

18+

Роман Бурулёв

Край

«Автор»

2026

Бурулёв Р.

Край / Р. Бурулёв — «Автор», 2026

Тридцать лет Край нёс щит с лицами убитых. Каждый мёртвый на металле — его рук дело, его память, его ноша. Он резал лица с павших сослуживцев, приковывал их к щиту и слушал, как они скрипят по ночам. Он не спал, не улыбался, не жил. Он нёс. Мир звал его Щитonosцем. Легендой, чудовищем, проклятием. Король боялся его и искал. Чистые жгли деревни. Твари уходили с дороги. Люди шептали. Край не помнил, кем был до. Не знал, кем станет после. Знал одно: бросить щит — значит остаться наедине с тишиной. А тишина страшнее мёртвых. Но однажды в Гнилых Землях, там, куда не доходят дороги и не долетают приказы, Край встречает тех, кто не боится его. Кто не шепчется. Кто ждёт. И щит впервые замолкает.

© Бурулёв Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Бурулёв

Край

Предисловие

Его имя — Край. Не имя, а прозвище. Настоящее имя стёрто из всех летописей по приказу короля. Живой символ не должен иметь лица.

Он — воплощение страха и мощи. Огромный, молчаливый, покрытый шрамами от шее до запястий. Четыре войны, четыре поля сражений, где погибли тысячи, но он стоял. Враги зовут его Проклятым. Свои — Щитоносцем. Он не герой и не стремится им быть. Он груб, безжалостен и говорит мало, предпочитая действия словам.

Его щит — двуручный, чёрный, украшенный лицами мёртвых товарищей. Не для памяти — для заклятия. Щит держит их души привязанными к миру, и Край слышит их голоса. Они не дают ему покоя. Они требуют, чтобы он нёс их дальше. Это не долг — это проклятие.

Король Драхт Старый держит его под замком между войнами, потому что Край опасен на свободе: без приказа он убивает, ломает, и никто не может его остановить. Для короля он — оружие, которое нельзя направить против него самого.

Но что скрывается за маской непобедимости? Кто он — человек, который не может умереть, или чудовище, которое нельзя уничтожить? И какова цена, которую он платит за эту бессмертную жизнь?

Ответы на эти вопросы вы найдёте в истории Края — истории о крови, стали и вечной тьме.

История, в которой нет места милосердию, но есть место для искупления.

История, где каждый голос на щите — это крик души, жаждущей освобождения.

История о том, как один человек может стать живым символом — и проклятием целого мира.

Часть 1: «Долг позвал»

Глава 1: «Живой символ»

Камера Края находилась в восточном крыле дворца, на тридцать три ступени ниже уровня земли.

Ступени были из чёрного гранита, и каждая обтёсана так, чтобы нога скользила. Не случайно. Архитектор дворца — позже стало известно, что его звали Бэрро Длинный, и что он умер через год после завершения строительства, не от болезни и не от старости, а от того, что спустился по собственной лестнице в спешке, — Бэрро знал, что однажды по этим ступеням поднимется кто-то, кого лучше задержать на лишнюю секунду. Три секунды — между тем, кто спускается, и тем, кто поднимается. Три секунды, чтобы услышать, оценить, решить: бежать

или идти дальше. Большинство решало правильно. Те, кто не решал, не возвращались, чтобы рассказать.

Край не задерживался. Он ходил.

Вдоль северной стены — три шага. Разворот. Вдоль южной — три шага. Разворот. Камера была четыре на четыре, потолок — в два его роста, окно — ладонь в ширину, на уровне подбородка, забранное решёткой из воронёного железа. За решёткой — внутренний двор дворца, по которому ходила стража. Стража старалась не смотреть в окно. Край знал это, потому что слышал: шаги у его стены ускорялись, когда стражник проходил мимо. Ускорялись — и замедлялись, когда проходили достаточно далеко. Зона ускорения — четыре шага в каждую сторону от окна. Зона замедления — всё остальное. Край не считал. Он просто знал.

Он ходил с рассвета до заката. Не от скуки — от необходимости. Тело, которое не двигается, перестаёт быть телом. Край узнал это на второй войне, когда три недели пролежал в полевом госпитале с разорванным боком и после не мог разогнуть левую ногу. С тех пор он двигался. Всегда. Если не мог ходить — шевелил пальцами. Если не мог шевелить пальцами — моргал. Если не мог моргать — дышал. Дыхание — тоже движение. Последнее, но движение.

Камера была без двери. Вместо неё — стена из трёхсотлетнего дуба, в двенадцать пальцев толщиной, окованная с обеих сторон стальными полосами. Стена поднималась на цепях, когда Краю приносили еду, и опускалась обратно. Механизм — ручной, с противовесами, на котором работали четверо стражников. Край слышал, как они пыхтели за стеной, когда поднимали: тяжёлое дыхание, скрип цепей, стук дерева в пазах. Он слышал, как они уходят, — быстрые шаги, не оглядываясь. И слышал, как стена ложится на место — глухой, тяжёлый удар, который отзывался в камере ещё секунды три после.

Еду просовывали через щель в полу, в железном лотке. Щель — ладонь в ширину, два пальца в высоту, с заслонкой снаружи. Лоток въезжал по направляющим, как по рельсам, и останавливался, упираясь в край. Край брал его. Ел. Ставил обратно. Лоток уезжал. Заслонка закрывалась. Край не знал, кто готовит. Не знал, кто приносит. Не знал, менялись ли они за годы, или это один и тот же человек, который каждый день просовывал лоток и каждый день дрожал, хотя между ним и Краем была стена, щель и заслонка.

Край ел всё. Не потому что хотел — потому что тело требовало. Он давно перестал спорить с телом. Тело хотело есть — он ел. Тело хотело двигаться — он двигался. Тело хотело спать — он спал. Но сон — это было отдельно. Сон был не отдых, а работа. Потому что во сне начинались голоса.

Он не помнил, сколько лет провёл здесь. Три? Пять? Семь? В камере не было календаря, а свечу меняли через щель раз в сутки, и он давно перестал считать свечи. Сначала считал — выцарапывал ногтем зарубки на стене, рядом с южным углом, на уровне пояса. Зарубки стали слишком тесными — он перестал. Не потому что устал считать, а потому что понял: число не имеет значения. Значение имеет только то, что он здесь, а щит — там. Где-то во дворце, в руках людей, которые не должны его трогать. Щит не трогать — это было единственное правило, которое соблюдалось без исключений. Даже Драфт Старый, который боялся Края до немоты, не рисковал трогать щит. Потому что все знали: щит — это единственное, что Край защищает. Не себя. Не свободу. Не имя. Щит.

Край знал, что прошёл через четыре войны. Не по летописям — летописи о нём не писали. По телу. Левое колено — первая война, пехотный строй, копьё прошло насквозь, Край встал, колено — нет, оно сросло, криво, с хрустом при каждом приседании. Шрам от копья через рёбра — вторая война, кавалерийская атака, лошадь сбила, всадник дотянул, Край лежал три дня в грязи, потом встал, рёбра срослись, шрам остался — белый, толстый, как верёвка. Ожог на спине — третья война, магия огня, Чистые ещё не были Чистыми, просто боевыми магами, которые не разбирали, где свои, где чужие. Ожог покрыл всю спину, от левой лопатки до правого бедра, и кожа там была не кожа, а бугристый, блестящий рубец, который ныло на смену погоды. Мизинец на правой руке — четвёртая война. Отрубил маг. Край помнил, как маг кричал, когда Край взял его за горло и не отпускал, пока рука мага не перестала дёргаться. Но мизинец обратно не прирос. Край иногда забывал, поджимал правую руку, и тогда замечал — мизинца нет, а остальные пальцы помнят, что он был. Фантомная пустота, как дырка в зубе, которую язык находит снова и снова.

Край не знал, почему не умирает. Он не задавался этим вопросом — не из философии, а потому что вопрос «почему» был бесполезен. «Почему» не меняло того, что есть. Он встаёт, а другие — нет. Вот и всё. Он видел, как умирали тысячи: быстро, медленно, громко, тихо, с мольбой, с проклятием, с именем на губах, с пустотой во рту. Он видел, как умирают смелые — первыми. Как умирают трусливые — последними. Как умирают те, кто не хотел ни того, ни другого, — в середине. Он видел достаточно смертей, чтобы знать: смерть не разбирает. Она берёт всех. Кроме него.

Он не знал, было ли это проклятием или даром. Не думал об этом. Думать о том, чего не можешь изменить, — роскошь, которую Край не мог себе позволить. Роскошей были сон без голосов и еда без вкуса железа. Остальное — лишнее.

Щит лежал в углу камеры.

Нет. Не так. Щит лежал в углу камеры — но не в этой. В каком-то подвале дворца, в каком-то ящике, в каких-то руках. Край не знал, где именно. Знал только, что не здесь. И от этого — не здесь — щит был везде. Край слышал его. Не ушами — чем-то другим, чем-то, что не имело названия, что было не в голове, а в костях, в груди, в том месте, где сердце бьётся не кровью, а чем-то тяжёлым, тёмным, что не имеет органа, но имеет вес.

Щит был тяжёлый. Двуручный, в рост человека от пояса до подбородка, чёрный, без геральдики, без цветов. Только лица. Двадцать три лица, вырезанных ножом по металлу. Не чеканка — резьба. Край делал это сам, на полях, между боями, пока тело ещё дрожало от адреналина и руки не тряслись. Он срезал лица с мёртвых: кожу, нос, губы, линию скул — и переносил на щит, вырезая по памяти. Он не художник. Лица выходили грубыми, почти детскими, с неправильными пропорциями. Но узнаваемыми. Те, кто знал павших, узнавали их на щите — и отворачивались.

Двадцать три. Край помнил каждое. Не имена — имена он не помнил никогда, даже когда живые представлялись, он забывал через минуту. Но лица — помнил. Лицо первого — командир, тяжёлый подбородок, сломанный нос, шрам через бровь. Лицо второго — молодой, лет двадцати, с тонкими губами и глазами, которые Край не мог вырезать, потому что не было инструмента, и от этого все лица выглядели мёртвыми. Что было правдой. Лицо третьего — женщина, первая в его отряде, с короткими волосами и шрамом на щеке. Край не помнил,

откуда шрам, но помнил, как она умерла — молча, с открытыми глазами, глядя в небо, которого не было из-за дыма.

Голоса начались после третьего лица.

Сначала — шёпот. Как ветер в трубе. Как звук, который слышишь не ушами, а где-то внутри, за ушами, в том месте, где череп переходит в шею. Край подумал, что у него жар. Потом — что он сходит с ума. Потом перестал думать, потому что голоса стали словами. Слова — обрывки, имена, фразы, которые повторялись, как заевшая песня. «Не отпускай». «Неси». «Дальше». «Помни». Край не разговаривал с ними. Он слушал. Он не мог не слушать, потому что голоса были не снаружи, а внутри, и заткнуть уши было бесполезно — они звучали из костей, из крови, из того, что нельзя отрезать.

К четвёртому лицу голоса стали громче. К пятому — Край перестал спать. Не совсем — он засыпал, но через час просыпался, потому что голоса кричали. Не слова — звук, как скрежет металла по кости, как крик, который длится вечно и никогда не достигает конца. Край лежал в темноте и слушал. Закрывал глаза. Открывал. Без разницы — голоса были одинаковыми и в темноте, и на свету.

К десятому лицу он понял: голоса не наказание. Они — топливо. Щит ест. Он ест тварей, созданных магией крови. Он ест магию, направленную на него. Он ест — и голоса стихают, насыщаются, засыпают. А потом просыпаются снова, голодные, требовательные, и Край идёт туда, где есть чем пожрать. Война за войной. Бой за боем. Не потому что хочет — потому что щит хочет. И Край хочет, потому что без щита — тишина, а тишина хуже голосов. Тишина — значит, души ушли. А без душ — щит просто металл. А без щита — Край просто человек. А просто человек — умирает.

А Край не умирал.

В тот день, когда всё началось, Край услышал шаги на лестнице.

Он узнал их сразу: Меррис. Жирный человек ходит иначе, чем худой — стопа ставится плоско, без переката, и каждый шаг сопровождается коротким выдохом через нос. Меррис дышал громче, чем шагал. Ещё — запах. Меррис пах дорогим: маслом для бороды, лавандовой водой, кожаными перчатками, которые менял каждую неделю. Край чуял этот запах с пятой ступени. Лаванда и жир. Запах человека, который не работал руками ни одного дня в жизни.

Край остановился у южной стены. Не напрягся. Не изменился в лице. Не подготовился. Просто остановился. Ждал. Как ждёт камень, когда по нему бьют: не двигаясь, не реагируя, просто будучи.

Шаги приблизились. Пыхтение — громче. Запах — сильнее. Четверо стражников за спиной Мерриса — Край насчитал по шагам: двое тяжёлых, в кольчуге, двое легче, в кожаных нагрудниках. Алебарды — по звуку древка о плечо: деревяшка стучит по металлу при каждом шаге. Ритмичный, тихий стук. Стук людей, которые не хотят идти, но идут, потому что приказали.

Стена поднялась.

Не сразу — с лязгом, со скрипом, с тяжёлым вздохом дерева, которое не хочет двигаться. Цепи натянулись, противовесы опустились, и стена поползла вверх, как занавес, который поднимают слишком медленно. Сначала — щель, ладонь в высоту, серый свет коридора. Потом — пояс. Потом — грудь. Потом — лицо.

Меррис. Советник короля. Маленький, круглый, в шёлковом кафтане тёмно-бордового цвета, с золотым шитьём по вороту. Два перстня на правой руке — один с печатью короля, другой с печаткой личного герба. Лицо круглое, мягкое, как тесто, которому не дали подойти. Глаза — маленькие, быстрые, постоянно бегающие, как будто вычисляют, на чём бы сэкономить. Губы сложены в полуулыбку, которая не меняется ни при каких обстоятельствах: ни когда он угрожает, ни когда льстит, ни когда боится. Меррис боялся часто, но улыбка оставалась. Край однажды подумал, что если отрезать Меррису голову, губы всё равно будут улыбаться.

За Меррисом — четверо стражников в парадных доспехах, с алебардами. Они остановились у проёма, как вкопанные, и Край видел, как старший из них побледнел, когда Край повернул голову. Стражник отвёл глаза. Не сразу — сначала задержал взгляд на стене, на чём угодно, лишь бы не на лице Края. Потом отвёл. Край отметил это без удивления: все отводили глаза. Это было правильно. Он бы тоже отвёл, если бы мог посмотреть на себя со стороны.

— Доброе утро, Край, — сказал Меррис. Голос мягкий, вкрадчивый, с той интонацией, которую используют взрослые, когда разговаривают с детьми или с собаками: ласково, но с постоянной готовностью одёрнуть.

Край молчал.

— Я вижу, ты в хорошем настроении. Как всегда.

Меррис вошёл в камеру. Стражники — нет. Они стояли у проёма, и Край видел их ноги — тяжёлые сапоги, подкованные сталью, слегка развёрнутые наружу. Готовые бежать. Не нападать — бежать. Край знал разницу: ноги, готовые напасть, стоят прямо, вес на носках. Ноги, готовые бежать — развёрнуты, вес на пятках. Эти стояли на пятках.

Меррис остановился в трёх шагах от Края. Ближе он не подходил никогда — вычислил расстояние за годы наблюдений. Три шага — это ровно столько, сколько нужно Краю, чтобы дотянуться, если рвануть. Меррис знал, что Край может рвануть. Он видел. На второй год заточения, когда новый охранник — молодой, глупый, не предупредили — вошёл в камеру, чтобы забрать лоток. Край не сделал ничего. Просто посмотрел. Охранник вышел, и через час подал в отставку. Не объяснил почему. Но Меррис узнал — потому что узнавал всё. Информация была его оружием, его щитом, его магией. Меррис не носил меча, не знал заклинаний, не имел армии. Он знал. Знание — страшнее любого оружия, потому что оружие бьёт один раз, а знание — всегда.

— У меня для тебя новости, — Меррис сложил руки за спиной. — В провинции Гнилые Земли — мятеж. Восставшие захватили три деревни, убили королевского сборщика налогов и его охрану. Восемь человек. Сожгли заставу. Король недоволен.

Край молчал. Он смотрел не на Мерриса — на его руки, сложенные за спиной. Левая рука слегка дрожала. Меррис боялся. Но не мятежа — чего-то другого. Чего-то, что ещё не

сказал. Край ждал. Он умел ждать — лучше, чем говорить, лучше, чем бить. Ожидание было его вторым оружием после щита. Люди не выдерживали тишины. Начинали говорить. Говорили лишнее. Край слушал.

Меррис не выдержал первым.

— Король хочет, чтобы ты отправился туда и... навёл порядок. — Он улыбнулся шире. — Как ты это делаешь.

Край посмотрел на Мерриса. Не в глаза — на подбородок. На толстую складку под челюстью, которая дрожала, когда Меррис говорил. Он смотрел на эту складку и думал: если сжать — задохнётся за минуту. Мысль прошла и ушла. Не желание — констатация. Как «если пойдёт дождь, будет грязно».

— Нет, — сказал Край.

Голос у Края был низкий, с хрипотцой, как у человека, который кричал слишком долго и сорвал связки. Он почти не разговаривал, и голос зарастал, как троп без хоженный. Каждое слово давалось с усилием, как будто он вытаскивал его из горла вместе с чем-то тяжёлым, что не хотело выходить. «Нет» — короткое слово. Короткое — значит лёгкое. Но даже оно прозвучало тяжело, как удар камня о камень.

Меррис вздохнул — театрально, как актёр, играющий разочарование. Край видел: вдох — грудь поднялась, кафтан натянулся, швы по вороту побелели. Выдох — грудь опала, улыбка осталась. Всё — представление. Меррис играл каждую секунду своей жизни, и Край был его единственным зрителем, который не аплодировал.

— Край, Край... — Меррис покачал головой, как отец, который ругает ребёнка за разбитую чашку. — Я понимаю. Тебе здесь удобно. Кормят, вода, крыша. Но ты ведь не думаешь, что это будет вечно? Король Драхт Старый — стар. Скоро на троне будет Драхт Младший. А молодой король — он тебя не любит. Не любит так, как отец. Он считает, что содержать тебя — дорого. И знаешь, что он предложил на последнем совете?

Край молчал.

— Он предложил тебя повесить.

Меррис сказал это с той же улыбкой. Край не отреагировал. Не моргнул, не напрягся, не сжал кулаки. Просто стоял, руки вдоль тела, и смотрел на подбородок Мерриса. Тот на секунду растерялся — Край видел, как улыбка дрогнула, как маленькие глаза заморгали чаще. Меррис ожидал реакции. Любой. Страха, гнева, презрения. Край дал ему ничего. Ничего — хуже всего, потому что на ничего невозможно ответить.

— Конечно, совет отклонил, — продолжил Меррис, быстро, как будто боялся, что тишина заполнит всё пространство и его вытеснит. — Ты — символ. Герой четырёх войн. Щитonosец. Тебя нельзя повесить — народ не поймёт. Но Драхт Младший найдёт способ. Он изобретательный. Может, не повесит. Может, просто... забудет кормить. Бывало и такое.

Край молчал. Он думал. Не о смерти — смерть ему не угрожала. О забывании. О том, что кто-то перестанет просовывать лоток через щель. О том, что стена поднимется в последний раз, и больше — никогда. О темноте, которая не кончается. О голосах, которые станут громче, потому что щит не насыщается, если Край не ест. О голоде, который начнётся в металле и перейдёт в кости, и нет ничего, ничего, что он сможет сделать, потому что он в камере четыре на четыре, за стеной в двенадцать пальцев, и единственный выход — через тридцать три ступени, по которым он не поднимался три года.

Меррис выждал паузу. Достаточно длинную, чтобы стало понятно: он не шутит. Потом повернулся к проёму и кивнул. Один из стражников передал ему свёрток — длинный, плоский, в чёрной ткани.

Меррис положил свёрток на пол. Медленно, аккуратно, как кладут ребёнка в колыбель. Развязал ткань — пальцы двигались ловко, несмотря на дрожь. Ткань упала в стороны.

Щит.

Голоса ударили сразу.

Не нарастая, не усиливаясь — сразу, как удар колокола над головой. Двадцать три голоса — каждый на своей частоте, каждый со своим тоном — заговорили разом. Не слова — звук, как скрежет металла по кости, как крик, который длится вечно и никогда не достигает конца. Край стиснул зубы. Челюсть сжалась так, что зубы скрипели — он слышал скрежет внутри черепа, как будто кто-то водил ножом по точилу.

Три года. Три года без щита. Три года голоса были далёкими, приглушёнными, как шум моря за стеной. Он привык. Привык к тому, что они — фон, тень, эхо. А теперь — щит здесь, в камере, в двух шагах, и голоса вернулись, как будто никуда не уходили. Как будто ждали.

Край не закричал. Не упал. Не закрыл уши. Стоял, стиснув зубы, и ждал. Ждал, пока первая волна пройдёт. Она прошла — через минуту, через две, через пять. Край не считал. Он просто стоял и дышал, и голоса стали тише, но не ушли. Они остались — как шум крови в ушах, как пульс, который чувствуешь, если прислушаться. Фон, который нельзя выключить.

Меррис смотрел. Край видел его периферийным зрением — круглый силуэт на фоне серого света из коридора. Меррис не двигался. Не улыбался — впервые. Край видел, как мышцы на его лице напряглись, удерживая улыбку, как верёвки удерживают парус на ветру. Улыбка держалась, но за ней — другое: жадность. Меррис смотрел, как Край реагирует на щит, и впитывал. Запоминал. Каждую судорогу челюсти, каждый вздох, каждую секунду. Это было — информация. А информация — власть.

— Я знал, что это привлечёт твоё внимание, — сказал Меррис. Голос стал мягче, вкрадчивее, как кошачья лапа. — Твой щит. Я подумал — может, ты соскучился по нему. Три года без него. Это... жестоко, наверное.

Край не слышал. Голоса заглушали Мерриса, как рёв водопада заглушает разговор. Он сделал шаг к щиту — один, короткий — и голоса стали громче. Ещё шаг. Голоса — как крик, как вой, как будто двадцать три человека кричали ему в оба уха одновременно, и каждый

кричал своё, и ничего нельзя было разобрать, и хотелось — не закрыть уши, а вырвать их, оторвать, выбросить, чтобы тишина, любая тишина, даже пустая, даже мёртвая.

Он остановился. Положил ладонь на металл.

Тишина.

Не полная — как в комнате, где только что перестал кричать человек и воздух ещё дрожит. Но голоса ушли. Край выдохнул. Дыхание вышло хриплым, дрожащим, как у человека, который долго бежал и наконец остановился. Ладонь на металле — чувствовала. Холод. Шероховатость резьбы. Линии лиц — выпуклые, грубые, безглазые. Тепло — не от металла, а от того, что внутри. Тепло душ, которые не ушли, потому что щит держал их, как кулак держит воду: не впуская, не выпуская, просто — держал.

Край не убирал ладонь. Стоял, склонившись, как молится. Не молился. Но так — выглядело. Человек и щит. Живое и мёртвое. Рука и металл. Тишина, которая была не тишиной, а паузой.

Меррис выждал. Он умел ждать — это был его главный талант. Не меч, не магия, не армия. Ждать. Молча. Пока другой не сдастся. Меррис ждал, и Край знал, что Меррис ждёт, и Меррис знал, что Край знает, и оба знали, кто сдастся первым. Не Край. Край не сдавался. Он просто — стоял. С рукой на металле. С глазами, закрытыми. С дыханием, которое постепенно выравнивалось, становилось ровным, тяжёлым, как шаг.

— Край, — сказал Меррис мягко. — Отправься в Гнилые Земли. Сделай то, что умеешь. Подави мятеж. Вернись. И щит останется с тобой. Не на время. Навсегда. Я дам тебе письменный приказ за печатью короля: щит — твой. Никто не имеет права отобрать его.

Край не открывал глаз. Голоса молчали, но он чувствовал: они слушают. Каждое слово. Каждый звук. Они — не союзники, не враги. Они — голод. И голод — никогда не бывает на стороне сытого.

Меррис продолжал, не дожидаясь ответа:

— Подумай. Три года в камере. Без щита. Без движения, без боя, без... еды для них. — Он кивнул на щит. — Ты ведь чувствуешь, что им нужно. Ты чувствуешь, что они голодают. И ты голодаешь вместе с ними. Это ведь хуже любого заточения, правда? Не стены давят — тишина. Тишина, в которой они молчат, потому что им нечего сказать, потому что им нечем питаться.

Край открыл глаза. Посмотрел на Мерриса.

Впервые за весь разговор — посмотрел прямо в глаза.

Меррис улыбался. Но глаза — маленькие, быстрые — дрожали. Не от страха — от возбуждения. Он видел, что Край реагирует, и это значило, что он — прав. Что нашёл кнопку. Что нажал. Край не удивился. Меррис всегда находил кнопки. Это был его талант — второй после ожидания.

Край убрал ладонь с металла. Голоса вернулись — но тише, как приглушённые, как будто щит попросил их подождать. Край посмотрел на свои пальцы. На правой руке — не хватало мизинца. На левой — мозоли, старые, жёлтые, как рог. Руки, которые убили больше людей, чем он мог считать. Руки, которые срезали лица с мёртвых и переносили на металл. Руки, которые держали щит в четырёх войнах. Руки, которые не могли держать ничего другого. Ничего, что было бы легче.

— Нет, — сказал Край.

Меррис перестал улыбаться.

Это было мгновение — полсекунды, не больше, — но Край увидел его настоящее лицо. Без улыбки, без мягкости, без вкрадчивости. Жёсткое, как у человека, который привык получать своё и не понимает слова «нет». Маленькие глаза стали ещё меньше — щёлки, в которых не было ничего, кроме расчёта. Складка между бровями — глубокая, как шрам. Ноздри — раздуты, как у зверя, который учуял угрозу. Меррис без улыбки был другим человеком. Третьим. Первым — ласковый советник. Вторым — осторожный переговорщик. Третьим — тот, кто не получает «нет».

Улыбка вернулась. Но Край видел: она — маска, надетая поверх третьего лица. Маска, которая больше не закрывала.

— Жаль. — Меррис наклонился к щиту, как будто собирался его погладить. — Тогда, понимаешь, проблема. Если ты не идёшь — щит остаётся у меня. А я... — он провёл пальцами по металлу, по лицам, по линиям резьбы, — с сожалением, передам его Чистым. Ты знаешь Чистых?

Край знал. Боевые маги, элитный орден, созданный Драхтом Старым после второй войны. Чистые сжигали ересь, очищали территории, несли свет королевской власти — огнём, болью и магией, которая питалась чужими страданиями. Край встречал их на третьей войне. Они жгли деревни с людьми, потому что «виновные прячутся среди невиновных». Край тогда сломал одному из них руку за то, что тот поджёг сарай с пленными. Чистые запомнили. Край тоже запомнил.

— Чистые очень заинтересованы в твоём щите, — продолжал Меррис. Голос — ровный, мягкий, как подушка, которую кладут на лицо. — Оказывается, души, привязанные к металлу — прекрасный источник для определённых ритуалов. Они могут... как это сказать... использовать их. Сжечь. Превратить в топливо. Двадцать три души, Край. Это очень много энергии. Хватит, чтобы... ну, например, очистить целый город. Или создать новое заклинание. Или просто — сжечь. Ради эксперимента.

Край молчал. Но внутри — не внутри, где-то глубже, там, где голоса жили — что-то сдвинулось. Не он. Они. Голоса зашевелились, как стая, которая почуяла угрозу.

Не к нему — к ним. К душам, привязанным к щиту, к двадцати трём, которые уже умерли и теперь были в опасности снова. Не смерть — хуже. Использование. Сожжение. Превращение в топливо для магии, которой они не выбирали.

Голоса зарычали. Низко, басовито, как звери, которых загнали в угол. Край почувствовал, как щит завибрировал — не от его руки, а изнутри, как будто металлическая поверхность была не поверхностью, а мембраной, за которой билось что-то живое, голодное, злое.

Меррис не слышал. Он не слышал голосов. Никто не слышал, кроме Края. Но Меррис видел — и Край отметил, что Меррис отступил на полшага, неосознанно, как от горячего. Не от Края — от щита. Меррис почувствовал вибрацию через пол, или просто — что-то в воздухе изменилось, и инстинкт сказал: отойди. Инстинкт был прав. Меррис не слушал инстинкты часто, но иногда — слушал, и это его спасало.

— Ну что, Край? — Меррис выпрямился. Улыбка — полная, круглая, неуязвимая. — Как тебе перспектива?

Край не ответил. Он думал о лице. Об одном лице. Первом. Командир, тяжёлый подбородок, сломанный нос, шрам через бровь. Он умер первым — упал на Края, закрывая от удара, и Край не смог его удержать, потому что копьё прошло насквозь, через тело командира, и ткнуло Края в плечо, и Край упал, и командир упал, и командир не встал, а Край встал. И Край срезал его лицо первым, потому что — не мог не срезать. Не ритуал. Не заклятие. Просто — не мог оставить. Не мог уйти, зная, что лицо, которое закрыло его от удара, останется гнить в грязи.

Если Чистые сожгут щит — командир сгорит. Не умрёт — он уже умер. Исчезнет. Окончательно. Без следа, без памяти, без лица. Будет — ничем. И Край — будет ничем, потому что без командира, без первого, без того, кто закрыл его — Края не было бы. Он был бы мёртв на первой войне, в первом бою, от первого удара. И всё, что было после — четыре войны, тысячи мёртвых, двадцать три лица, голоса, голод, проклятие — всё это — потому что командир закрыл. А Край встал.

Край не мог позволить сжечь командира. Не мог позволить сжечь никого из них. Не потому что любил — он не помнил имён, не помнил голосов живых, не помнил, как они улыбались. Но лица — помнил. И лица были — всё. Единственное, что осталось от людей, которые умерли, чтобы он жил. Лица на щите — не трофеи. Не заклятие. Единственное доказательство, что они — были.

Но Край не сказал этого Меррису. Не объяснил. Не произнёс речь о долге и памяти. Он сделал то, что делал всегда, когда слова были бесполезны.

Он двинулся.

Он не предупредил. Не изменился в лице. Не напрягся. Не подал сигнала. Просто — шевельнулся. Как змея, которая лежала неподвижно и вдруг оказалась там, где ты не ожидал.

Меррис увидел только руку — огромную, в шрамах и мозолях, — которая схватила его за запястье. Правое. То, на котором были два перстня.

Край сжал.

Не сильно. Не так, чтобы сломать кость — пока. Но хватка была такой, что Меррис почувствовал, как фаланги трутся друг о друга, и звук был — тихий, влажный, как хруст сухаря, который размокают в воде. Запястье — хрупкое, как птичья кость, в руке, которая ломала мечи

и вырывала копья из рук врагов. Меррис почувствовал, как его пальцы — те самые, которые никогда не работали, которые только подписывали, печатали, перебирали бумагу — сдавливаются, и каждый сантиметр давления — это новый уровень боли, который он не знал, что существует.

Меррис закричал. Не сразу — сначала открыл рот, как рыба, и издал сиплый звук, как будто воздух не шёл через горло. Потом закричал. Высокий, тонкий, женский крик, который не подходил круглому человеку в шёлковом кафтане. Крик, в котором не было достоинства, не было гордости, не было советника короля. Только — боль. И под болью — страх. Не страх Края — Меррис давно привык к Краю, как привыкают к грозе: страшно, но переживаемо. Страх того, что ручной медведь перестал быть ручным.

Стражники за проёмом дёрнулись — но не вошли. Ни один. Край видел это периферийным зрением: четверо мужчин, обученных, вооружённых алебардами, стояли в проёме и не двигались. Старший побледнел так, что веснушки стали чёрными на белом лице. Молодой — тот, что слева — отступил на шаг. Не от страха за Мерриса. От страха войти. Потому что войти — значит оказаться в камере четыре на четыре с Краем, который держит их начальника за руку, и никто из них не знает, что Край сделает в следующую секунду. А не знать — хуже, чем знать. Знаешь — можно подготовиться. Не знаешь — можно только бояться.

Край повернул запястье Мерриса. Не сильно — на четверть оборота. Но под нужным углом, чтобы боль пошла от пальцев к локтю, как огонь по фитилю. Меррис перестал кричать — захлебнулся воздухом, как будто его ударили в живот. Его тело обмякло, колени подогнулись, и он повис на руке Края, как тряпичная кукла на крюке. Кафтан задрался, обнажив живот — белый, мягкий, с растяжками. Меррис — не воин. Не солдат. Не стражник. Человек, который подписывал приказы и отправлял других умирать. И сейчас — висел на руке, как булочка на вешалке, и звучал — сипло, мокро, как человек, который тонет на суше.

— Если ты тронешь щит, — сказал Край, — я сниму с тебя кожу.

Голос был ровный. Без угрозы, без злости. Как описание. Как «если пойдёт дождь, будет грязно». Констатация факта, который произойдёт, если условия совпадут. Условия: тронешь щит. Факт: сниму кожу. Просто. Понятно. Без вариантов.

— И повешу на стене. Вместо лица. — Край чуть сжал сильнее. — Твоё лицо — мне не нужно. Но подойдёт.

Меррис дрожал. Не от боли — от осознания. Край видел это в его глазах: паника, чистая, животная, как у зверя, загнанного в угол. Не игра — кошка играет, когда сыта. Край не играл. Меррис понял: Край не блефует. Не угрожает. Просто сообщает план. План — прост, реален, осуществим. Край — может. Край — сделает. Край — не остановится, потому что stopping — это выбор, а Край не делал выбора. Он просто — действовал. Как камень падает. Не потому что хочет — потому что гравитация.

Край отпустил запястье. Меррис отшатнулся, прижимая руку к груди. Запястье краснело, пальцы подрагивали. Край не сломал ничего — пока.

Но Меррис не уходил. Край видел: за паникой, за страхом, за болью — работает. Мозг. Холодный, расчётливый, как механизм, который не зависит от тела. Меррис — думал. Думал,

пока Край его держал. Думал, пока кричал. Думал сейчас. Потому что Меррис — не тело. Меррис — мозг. Тело — носитель, и если тело страдает — мозг работает даже быстрее. Боль — стимул. Страх — информация. Меррис собирал информацию, пока висел на руке Края, и теперь — обрабатывал.

Край протянул руку. Не к Меррису — к его левой руке, которую Меррис прижимал к груди, инстинктивно, как вторую раненую птицу. Край взял её — мягко, без давления, как берут чашку, которую не хотят разбить. Меррис замер. Не от боли — от непонимания. Край не делал так. Край не брал мягко. Край — бил, ломал, рвал. А тут — взял. И Меррис не знал, что хуже.

Край вывернул два пальца на левой руке. Указательный и средний — назад, за ладонь, с тихим хрустом. Не громким — как хруст ветки, которую ломают медленно, постепенно. Меррис завыл — коротко, тонко, как собака, которой наступили на хвост. Не крик — вой. Звук, который шёл не из горла, а из живота, из того места, где живут инстинкты, которые нельзя контролировать.

— Это за щит, — сказал Край. — Не за угрозу. За угрозу будет отдельно.

Меррис стоял, согнувшись, прижимая обе руки к животу. Лицо его побелело, улыбка исчезла, и без неё Меррис выглядел старше, меньше, жалче. Как сдувшийся мяч. Край смотрел на него — сверху вниз, как на насекомое, которое раздавил, но не до конца. Не жалость — интерес. Край не жалел. Но — отмечал. Как меняется человек, когда боль входит в него. Как уходит всё наносное — улыбка, мягкость, вкрадчивость — и остаётся суть: маленький, испуганный, мокрый.

Мокрый. Край заметил тёмное пятно, расплывающееся по шёлковому кафтану между ног. Меррис мочился. Не от боли — от страха. Тело выдало то, что мозг пытался скрыть. Меррис боялся. Не Края — нет, он давно привык к Краю, как привыкают к грозе: страшно, но переживаемо. Меррис боялся того, что Край увидел его — настоящего. Без улыбки. Без кафтана. Без перстней. Без советника короля. Мокрого, воющего, с вывернутыми пальцами. Человека, которым Меррис был на самом деле.

— Я... — Меррис сглотнул. — Я пойду.

Край молчал.

— Я... скажу королю, что ты... думаешь.

— Я уже сказал, — ответил Край. — Нет.

Меррис вышел. Не ушёл — выбежал, мелкими, суетливыми шагами, прижимая руки к груди, не оглядываясь. Стражники расступились, пропуская его, — быстро, суетливо, как будто боялись, что Край выскочит следом. Один — молодой, тот, что отступил на шаг раньше, — повернулся к выходу раньше Мерриса. Не от страха — от желания уйти. Желание уйти было сильнее, чем долг, чем приказ, чем присутствие. Край видел: ноги молодого стражника дрожали, и алебарда в его руках — дрожала тоже, и древко стучало по нагруднику, как метроном.

Стена опустилась. Тяжёлый дуб лёг на место с глухим стуком, который отозвался в камере эхом. Эхо прошло — раз, два, три — и затихло. Камера — снова закрыта. Четыре на четыре. Потолок — в два роста. Окно — ладонь в ширину. Решётка — воронёное железо. Ступени — тридцать три. Тишина.

Край постоял. Минуту, две, десять. Он не считал — просто стоял, и тело привыкало к тому, что в нём больше не бьётся адреналин. Руки — не тряслись. Дыхание — выровнялось. Челюсть — разжалась, и зубы перестали скрипеть. Тело — Края. Как всегда. Действие, реакция, покой. Без остатка. Без переживания. Как нож, который сделал работу и лёг обратно в ящик.

Но голоса — не остановились.

Они вернулись. Не сразу — сначала тихо, как эхо, как напоминание. Потом — громче. Щит лежал на полу, в двух шагах, и Край не прикасался к нему, и от этого голоса были — далёкие, приглушённые, как разговор за стеной. Но — здесь. Ближе, чем три года. Ближе, чем вчера. Потому что щит — здесь, а не в подвале, не в ящике, не в чужих руках. Здесь. В камере. На полу. В чёрной ткани.

Край подошёл к щиту. Опустился на колено — медленно, с хрустом в левом колене, первой войны. Хруст — привычный, как скрип двери, которую открывают каждый день. Край не морщился. Боль в колене — старая, знакомая, как запах собственного пота. Не замечаешь, пока не вспомнишь.

Он положил ладонь на металл.

Тишина. Опять. Мгновенная, как выключенный звук. Голоса ушли, и Край остался один на один с металлом, с лицами, с теплом, которое шло изнутри. Он смотрел на них — на каждого, по очереди, как обходят строй перед боем.

Первый. Командир. Тяжёлый подбородок, сломанный нос, шрам через бровь. Край не помнил имени. Помнил, как умирал: молча, с открытыми глазами, глядя вверх, на Края, который стоял над ним, с копьём в плече, и не мог упасть, потому что если упадёт — не встанет, потому что вокруг — враги, и некому забрать тело, и командир останется в грязи, и лицо, которое закрыло его от удара, будет топтаться сапогами. И Край не мог. Поэтому он срезал. Ножом, который нашёл в грязи, тупым, с зазубринами. По скуле. Под челюсть. Отделить. И перенести — на щит, который поднял с земли, с мёртвого воина, которому щит больше не нужен был. Первый — на щите. Первый — кто умер, чтобы Край жил.

Второй. Молодой, лет двадцати. Тонкие губы, худое лицо, острые скулы. Край не помнил, как он умер. Помнил — что умер рядом, и что Край не успел. Не потому что не хотел — потому что не мог. Двое на одного, и Край бил одного, а второй — бил парня, и Край не обернулся, потому что если обернётся — первый ударит, и тогда — двое на одного, и не парню, а ему. Край не обернулся. Парень умер. Край срезал его лицо — и обернулся. И второй — тоже умер. Но второго Край не срезал. Не помнил почему.

Третий. Женщина. Короткие волосы, шрам на щеке. Край помнил, как она умерла — молча, с открытыми глазами, глядя в небо, которого не было из-за дыма. Он помнил её глаза — серые, спокойные, как вода в зимнем ручье. Он не мог вырезать глаза. Не было инструмента.

И от этого лицо на щите — слепое, безглазое, как маска. Но Край помнил глаза. Помнил — и нёс. Всегда.

Край прошёл все двадцать три. Не быстро — медленно, как читают книгу, по странице, по строке. Каждое лицо — память. Не тёплая, не холодная — тяжёлая. Как камень, который лежит на груди и не даёт дышать, но — не убираешь, потому что без камня — пустота, а пустота хуже.

Дойдя до последнего — двадцать третьего — Край остановился. Лицо было почти не видно: резьба стёрлась от времени, от пальцев, от ударов. Край провёл по нему подушечкой большого пальца — медленно, как слепой читает. Черты — под пальцем. Скула. Нос. Губы. Линия челюсти. Кто это был? Край не помнил. Лицо — да. Имя — нет. Голос — нет. Как умер — нет. Только — лицо. Как будто человек состоял из одного лица, без тела, без истории, без слов. Лицо — и больше ничего. И Край нёс это «ничего» годами, потому что — не мог не нести.

Он убрал ладонь. Голоса вернулись — но тихо, как шёпот за стеной. Не крик — шёпот. Край прислушался. В первый раз за годы он попытался разобрать слова.

И разобрал. Одно слово. Повторяемое двадцатью тремя голосами, на разный лад, с разной интонацией, но одно:

Иди.

Край закрыл глаза.

Иди.

Не «спаси нас». Не «отпусти». Не «отомсти». — Иди. Просто — иди. Дальше. Туда, где голодно. Туда, где больно. Туда, где есть то, что щит может сожрать, и голоса — насытятся, и уснут, и Край — уснёт, может быть, на час, на два, на три, прежде чем голод вернётся и всё начнётся снова.

Край открыл глаза. Встал. Левое колено — хрустнуло. Поднял щит — тяжёлый, чёрный, с двадцатью тремя лицами, которые смотрели в пустоту. Положил на настил у стены, накрыл тряпкой. Сел рядом.

Ждал.

За стеной — за тридцать три ступени вверх, за дворцовыми переходами, за караульными постами — Меррис шёл по коридору. Не шёл — ковылял, прижимая руки к груди, и стражники расступались перед ним. Не из уважения — от брезгливости. Тёмное пятно расплылось по шёлковому кафтану между ног, и моча стекала по голенищу сапога, оставляя мокрый след на каменном полу, как улитка оставляет слизь. Меррис не замечал. Он думал.

Боль в пальцах была острой, пульсирующей, как раскалённая проволока, намотанная на суставы. Левая рука — хуже: два пальца вывернуты назад, суставы — не сломаны, но вывихнуты, и каждый удар сердца — новый импульс боли, который шёл от фаланг к запястью, от запястья к локтю, от локтя к плечу. Меррис не стонал. Не потому что не хотел — потому что думал. Боль — помеха, но мысль — важнее. Мысль работала — холодно, расчётливо, как меха-

низм, который не зависит от тела. Край сломал ему пальцы. Край отказал. Край — неуправляемый, как всегда.

Но Меррис знал: Край пойдёт. Не из-за угрозы — из-за щита. Из-за голосов. Меррис не слышал голосов, но он видел лицо Края, когда тот прикоснулся к металлу. Видел, как изменилось — как что-то ушло, и что-то другое пришло. Как будто Край слушал кого-то, кого не было видно. Меррис не знал, кого. Не знал, что. Но знал — что это важнее, чем боль, чем страх, чем слово «нет». Край отказал ему, но не отказал им. Тем, кто на щите. Тем, кого он нёс.

Меррис добрался до своих покоев. Вызвал лекаря. Пока тот вправлял пальцы — Меррис зашипел, но не закричал, потому что крик — информация, а лекарь — свидетель, а свидетели — лишние, — диктовал письмо. Говорил тихо, быстро, ровно, как диктуют приказы, которые не терпят отлагательства:

«Его Величеству Драхту Старому, королю Семи Земель, Защитнику Престола. Сим уведомляю: Щитonosец согласился возглавить карательный отряд в провинции Гнилые Земли. Отряд — сорок человек из числа приговорённых. Срок выступления — три дня. Прошу подтвердить приказ печатью и передать щит Щитonosцу в качестве... аванса.»

Лекарь вправил указательный. Меррис зашипел. Слеза — одна, правого глаза — скатилась по щеке. Меррис смахнул её быстро, как муху.

«Дополнительно: просим направить в Гнилые Земли отряд Чистых под командованием лорда Тэрро для... координации действий.»

Координации. Меррис улыбнулся — через боль, через слёзы, через мокрый кафтан. Координация. Прекрасное слово. Безопасное. Никто не спросит, что значит. Никто не проверит. Никто не поймёт, пока не станет поздно. Координация — это когда Чистые следят за Краем, а Край — не знает. Или знает, но не может ничего сделать, потому что он — в Гнилых Землях, с сорока приговорёнными, против тварей, и Чистые — за спиной, с огнём и приказами, которые написаны Меррисом.

Меррис всегда начинал следующий. Это было — его правило. Его — не закон, не принцип, не философия. Правило. Как дыхание. Вдох — выдох. Сделал — начал следующее. Пока есть следующий — живёшь. Когда следующий кончается — умираешь. Меррис не собирался умирать. Ни от Края, ни от молодого короля, ни от старости. Меррис собирался — начинать. Снова и снова. Пока не кончится.

Лекарь закончил. Пальцы — вправлены, перевязаны, фиксированы лубками. Меррис посмотрел на них — на белые бинты, на тёмные пятна крови, проступившие сквозь ткань. Два пальца на левой руке. Из двадцати. Восемнадцать осталось. Достаточно, чтобы писать. Достаточно, чтобы подписывать. Достаточно, чтобы держать перо, которым он напишет ещё сто приказов, отправит ещё сто людей на смерть, начнёт ещё сто — следующих.

Меррис улыбнулся. Полной, круглой, неуязвимой улыбкой. Край — пойдёт. Край — не знает, что пойдёт. Но Меррис — знает. Потому что Меррис знает людей. Знает, что заставляет их двигаться. Не долг, не честь, не страх. Что-то другое. Что-то, что нельзя назвать, но можно использовать. У Края это — щит. У Мерриса — следующий. У всех — что-то. Меррис находил. Всегда.

Три дня спустя стена поднялась снова.

Край не считал дни. Он знал — по свечам, по еде, по смене стражи. Три свечи — три дня. Три лотка — три дня. Три смены шагов за окном — три дня. Он сидел у стены, с щитом, накрытым тряпкой, и ждал. Голоса — шептали. Одно слово. Иди. Край не отвечал. Не потому что не хотел — потому что не знал, кому отвечать. Голоса — не они. Они — не люди. Не души. Не память. Они — голод. Голод, который говорит голосами мёртвых, чтобы живой — шёл. Туда, где есть чем пожрать.

На этот раз Меррис не пришёл. Вместо него — писарь. Молодой, нервный, с трубкой свитка в руках и королевской печатью на поясе. Писарь не вошёл в камеру — встал у проёма, за спинами четверых стражников, и зачитал приказ, не поднимая глаз от свитка:

«Щитonosец, именуемый Краем, направляется в провинцию Гнилые Земли для подавления мятежа. Командование карательным отрядом в составе сорока приговорённых к смерти. Срок — до подавления. По возвращении — полное помилование и восстановление статуса. Щит возвращается Щитonosцу немедленно и остаётся при нём на всё время операции.»

Писарь замолчал. Поднял глаза — на секунду, на долю секунды — и опустил. Быстро, как от огня. Край увидел в этом взгляде — не страх. Любопытство. Мальчишка, который впервые увидел чудовище из сказок. Не ужас — интерес. Край отметил: мальчишка — новый. Не знает. Не видел. Не понимает. Может быть — поймёт. Может — нет. Не важно.

Писарь вручил свиток через щель в стене — не войдя, не подняв глаз, не подняв головы. Рука — дрожала. Свиток — скользнул по направляющим, как лоток с едой, и остановился у края. Край взял. Прочитал. Буквы — мелкие, аккуратные, с завитушками, как у писца, который старается. Печать — красная, круглая, с гербом короля: лев с мечом, стоящий на задних лапах. Край видел этот герб на приказах четыре раза. Четыре войны — четыре приказа. Одинаковая печать, одинаковые завитушки, одинаковый лев. Край не думал о льве. Он думал о сорока приговорённых. О Гнилых Землях. О тварях, которых — возможно — там нет, и о тварях, которых — возможно — там есть, и щит — голоден, и голоса — ждут.

Край сжёг свиток на свече. Пламя — жёлтое, маленькое, как кошачий глаз. Бумага — горела быстро, весело, как будто радовалась. Пепел — чёрный, лёгкий, как пух. Край смахнул его с ладони. Взяла щит.

Голоса молчали. Полностью. Как никогда раньше. Край подождал. Прошло минуту, две, пять. Тишина. Не шёпот, не эхо — тишина. Абсолютная, как в могиле. Край не чувствовал — ничего. Ни голода, ни тревоги, ни нетерпения. Только — тяжесть металла на руке. Физическая, простая, без магии, без голосов. Как будто щит — уснул. Или умер. Или — ждал, как ждёт зверь перед прыжком: затихая, собираясь, концентрируя всё в одну точку, чтобы потом — выплеснуть.

Край надел щит на руку. Тяжёлый, привычный, как вторая кожа. Ремни — впились в предплечье, в мозоли, в шрамы. Застёжки — щёлкнули, как замки. Край повёл плечом — щит сел, как врос. Правильно. Как должен. Как всегда.

Стена поднялась. Край вышел.

Тридцать три ступени — вверх.

Гранит скользил под ногами, но Край не скользил. Он шёл тяжело, ровно, как литое железо, и ступеньки стонали под его весом, но держали. Край не торопился. Не медлил. Шёл — как шёл всегда: шаг, шаг, шаг. Без оглядки. Без остановки. Тело — помнило. Ноги — помнили. Тридцать три ступени — тридцать три удара подошв о камень. Ровных, тяжёлых, как удары сердца.

На верхней ступени — свет.

Край вышел во внутренний двор и зажмурился. Не от боли — от яркости. Три года без солнца. Глаза — привыкли к темноте, к серому свету свечи, к теням на стенах. Солнце — забытое. Жёсткое, жёлтое, безжалостное. Оно било в лицо, как кулак, и Край стоял, не моргая, пока глаза привыкали. Секунда, две, десять. Боль — знакомая. Как колено на первой войне. Привыкнешь.

Стража во дворе — двадцать человек — стояла. Не двигалась. Двадцать алебард — направлены в землю, двадцать пар глаз — на Края. Край видел: ни один не встретил его взгляда. Все — смотрели: на щит, на руки, на ноги, на стену. Куда угодно, только не в глаза. Один — молодой, как писарь — уронил алебарду. Деревянное древко ударило о камень с гулким стуком, и звук — прозвучал как выстрел. Молодой стражник побледнел, поднял алебарду, не поднимая глаз. Никто не засмеялся. Никто не повернулся. Все — ждали, что сделает Край.

Край не сделал ничего. Прошёл через двор. Стража расступилась — не быстро, не суетливо, а с тем тяжёлым, неизбежным движением, с каким расходятся ворота, которые нельзя закрыть. Не перед человеком — перед явлением. Перед тем, о чём слышали, чего боялись, чего не видели — и вот видят. И не знают, что делать. Потому что делать — нечего. Край идёт, и ты — или отойдёшь, или — умрёшь. Третьего — не дано.

Все отошли.

У ворот — отряд.

Сорок человек. Приговорённые. Край окинул их взглядом — одним, медленным, как дуло оружия, которое ведут вдоль линии. Разбойники, дезертиры, убийцы, насильники. Кто-то молод, кто-то стар. Кто-то испуган, кто-то спокоен, кто-то пьян. Один — без зубов, с разбитым лицом — ухмылялся. Ухмылка — не наглая, не вызывающая. Жалкая. Ухмылка человека, который привык, что его бьют, и усвоил: если улыбаться — бьют меньше. Не правда. Бьют одинаково.

Край стоял перед ними и молчал. Молчание — дольше, чем обычно. Он не ждал — он смотрел. Отмечал. Кто стоит ровно — служил. Кто горбится — нет. Кто держит руки свободно — умеет драться. Кто сжимает кулаки — не умеет, но думает, что умеет. Кто отводит глаза — трус. Кто смотрит в землю — не трус, но сломлен. Кто смотрит на Края — ни один. Ни один не встретил его взгляд. Сорок человек, и все — смотрели мимо. На щит, на руки, на ноги, на стену. Куда угодно, только не в глаза.

Край отметил: ни один не подойдёт. Ни один не спросит. Ни один не посмеет. Они — боятся. Не Края — не знают Края, не знают, кто он, что сделал, почему его боятся стражники, почему расступается двор. Боятся — неизвестного. Того, что больше них, сильнее, тяжелее. Того, что — не как они. Того, что — встанет впереди, и они пойдут за, и не знают — куда, и не знают — зачем, и не знают — вернуться ли.

Край не собирался им объяснять. Не потому что не хотел — потому что бесполезно. Слова — не работают. Слова — для тех, кто понимает слова. Эти — не понимали. Они понимали — боль, страх, силу. Край — говорил на их языке.

— Не лезьте передо мной, — сказал Край. — Я не смотрю назад.

Голос — низкий, хриплый, как удар камня о камень. Короткая фраза. Восемь слов. Единственная, которую он скажет сегодня. Может — единственная, которую они запомнят. Не потому что умная — потому что от Края. От Края — одно слово в день достаточно. Два — роскошь. Три — невозможно.

Ухмыляющийся — беззубый, с разбитым лицом — сплюнул на землю. Жёлтая слюна, густая, как сироп. Звук — мокрый, короткий. Жест — не вызов. Проверка. Животная, инстинктивная: а что будет? Что сделает этот огромный, молчаливый, с чёрным щитом? Ударит? Пройдёт мимо? Не заметит?

Край не ответил. Не посмотрел. Просто повернулся и пошёл к воротам дворца. Щит — на руке, тяжёлый, чёрный, с двадцатью тремя лицами, которые смотрели на сорок приговорённых, и каждый из сорока — увидел лица, и каждый — отступил на шаг. Не от Края — от лиц. От мёртвых, которые смотрели живыми, от безглазых, которые видели, от молчащих, которые кричали. Не ушами — кожей. Каждый почувствовал: что-то не так. Что-то, что нельзя объяснить, но можно — почувствовать. Холодок между лопаток. Тяжесть в затылке. Желание — отойти. Не от Края — от щита. От того, что в щите. От того, что — голодно.

Ухмыляющийся замолчал. Слюна — впиталась в землю. Ухмылка — исчезла. Осталось — лицо. Обычное, разбитое, беззубое. Лицо человека, который понял: это — не шутка. Это — не парад. Это — не начальник, которого можно послать. Это — другое. То, чего он не видел, не знает, не понимает. То, что — идёт впереди, и — не оборачивается, и — не смотрит назад, и — не будет смотреть, даже если он — упадёт, умрёт, сгниёт на обочине.

Отряд двинулся следом. Сорок приговорённых, которые двенадцать дней назад не верили, что умрут, и которые теперь — не верили, что живут. Потому что шли за Краем, и Край — не оборачивался, и щит — на его руке, и лица — на щите, и тишина — вокруг, и — ничего, ничего, ничего — кроме шагов. Тяжёлых, ровных, как удары сердца, которое не останавливается.

Глава 2. «В мясорубку»

Город кончился. Не сразу. Стены отступали по бокам, дома становились ниже, камень сменялся деревом, дерево землёй. Мостовая разбилась на щербатые плиты, плиты на грязь, грязь на тракт. Тракт шёл на юг. Край шёл по тракту. За ним сорок.

Город смотрел. Из окон лица, с балконов головы, с крыш дети, которые забрались повыше, чтобы увидеть, потому что дети всегда хотят увидеть, даже когда не надо. Особенно когда не надо. Толпа не кричала. Не плевала. Не бросала. Просто смотрела. Как смотрят на стихийное бедствие, которое ещё далеко, но уже видно по небу: ещё немного, и здесь не будет ничего. Ни криков, ни плевков, ни бросков. Ничего.

Край не смотрел на город. Город смотрел на Края. Это правильно. Так должно быть. Зритель смотрит на зверя в клетке, а не зверь на зрителя. Только клетка здесь снаружи. Клетка из глаз, из лиц, из молчания. Край шёл, и клетка двигалась вместе с ним, обтекая, как вода, как воздух, как всё, что не может остановить.

У городских ворот патруль. Шестеро. Молодые, в форме, с алебардами, которые держат неправильно: древко слишком высоко, наконечник смотрит в небо, а не в человека. Учили плохо. Или не учили совсем. Край отметил: если эти встретят поганого, умрут первыми. Не потому что слабые, потому что не знают. Не знают, что алебарда не для красоты, не для парада, а для того, чтобы вбивать наконечник в плоть низко, под ребро, и крутить. А если тварь без рёбер, как поганые, которых делают из обрубков? Тогда не поможет. Тогда бросай. Беги. Или не бегай, безразлично. Умрёшь здесь или в спине. Третьего не дано.

Патруль не остановил. Не спросил. Не проверил. Увидел щит и застыл. Шестеро молодых, в форме, с алебардами, которые держат неправильно, и ни один не сделал шаг. Потому что щит узнают раньше, чем человека. Щит легенда. Край нет. Край безымянный, вырезанный, стёртый. А щит остался. Щит был. Щит есть. Щит будет. Лица на металле смотрели на патруль, и патруль не двигался. Край прошёл. Отряд прошёл. Патруль остался. Стоял и смотрел, как сорок приговорённых и один со щитом уходят по тракту на юг, и солнце садилось, и тени тянулись, и ничего не двигалось, кроме них.

Тракт шёл через поля.

Поля кончились на второй день. Дальше лес. Старый, тёмный, без дороги. Тракт превратился в тропу, тропа в след, след в ничего. Край шёл по направлению. Не по дороге, дороги не было. По солнцу, по мху, по тому, что помнил. Он ходил здесь раньше. Давно. Когда был другим. Или не другим. Таким же. Просто раньше. До щита. До лиц. До того, как мёртвые стали его единственными собеседниками.

Отряд молчал.

Молчал по-разному. Не так, как Край. Край молчал, потому что нечего сказать. Они молчали, потому что боялись. Боялись не Края. Края не знали. Боялись тишины. Тишины, в которой нет ничего, кроме шагов, дыхания и скрипа кожи на металле, когда щит на спине, и ремень трёт, и щит стонет. Тихо. Чуть слышно. Как стонет человек во сне: не от боли, от тяжести. От того, что давит.

Первую ночь ночевали у ручья. Край сел отдельно. Щит рядом. Не за спиной, рядом, на земле, лицом вверх. Лица к небу. Край смотрел на лица не глазами. Глазами он смотрел на воду. Лицами он слушал. Ночью голоса громче. Ночью мёртвые просыпаются, и начинают, и не останавливаются, и Край слушает, потому что не может не слушать, потому что уши не закрываются, и сон не приходит, и тишина не приходит, и ничего не приходит, только голоса, и они говорят.

Говорят что? Край давно перестал разбирать слова. Слова слились. Слились в гул. Гул в вой. Вой в стон. Стон в одно длинное, бесконечное, без пауз, без начала, без конца: дальше. Не слово, чувство. Не чувство, давление. Давление в висках, в груди, в костях. Дальше. Вставай. Иди. Неси. Не останавливайся. Мы не можем остановиться. Мы мёртвые. Мёртвые не отдыхают. И ты не отдыхай.

Край не отдыхал.

Остальные спали. Сорок человек у костра, который Край не разводил и к которому не подошёл. Спали плохо. Вскрикивали во сне. Ворочались. Один, седой, с шрамом через щеку, ветеран, который повидал больше, чем остальные, не спал. Сидел, смотрел на Края, который сидел у ручья в темноте без движения, и щит рядом, и лица к небу, и ничего. Седой смотрел долго. Потом отвернулся. И заснул. Потому что смотреть на Края, который не спит, можно. Но недолго. Потом начинает казаться, что Край тоже не спит. Не потому что не может. Потому что не должен. Потому что спать для живых. А Край между. Не живой, не мёртвый. Между. И между не спят.

Дезертир бежал на третье утро.

Не тот, который спрашивал. Другой. Молодой, двадцать, может меньше. Худой, с длинными руками и глазами, которые смотрели не вперёд, а вбок. Всегда вбок, как у зайца, который чует ловушку, но не знает, где. Он не говорил ни в первый день, ни во второй. Не подходил к костру. Не ел. Сидел отдельно, как Край, только без щита, без лиц, без причины. Просто сидел и молчал и смотрел вбок.

Край не заметил, когда он ушёл. Замечает, когда мёртвые замолкают. Мёртвые замолкают, когда что-то меняется: когда рядом появляется страх, настоящий, не тот, который носят в себе, а тот, который бьёт из тела, как кровь из раны. Мёртвые голодные. Страх для них как запах мяса. Они замолкают. Прислушиваются. Ждут.

Край встал. Снял щит. Положил у дерева. Бережно. Лицом вниз. Не к небу, к земле. Чтобы не видели. Чтобы не слышали. Чтобы не мешали. Мёртвые мешают, когда рядом живой страх. Они возбуждаются. Бормочут. Кричат. Край не мог позволить кричать. Не сейчас. Не здесь.

Он пошёл.

Лес густой. Подлесок плотный, колючий, с ветками, которые бьют по лицу. Край не уклонялся. Ветки царапали щёки, ломались о плечи. Он шёл прямо. Как таран. Как то, что не может остановиться, потому что не умеет, потому что остановиться значит думать, а думать значит слышать, а слышать значит знать, а знать что? Что мальчишка бежит. Что мальчишка не солдат. Что мальчишка не должен был быть здесь. Что мальчишка не виноват. Что Край тоже не виноват. Что не виноватые бывают. И что это не важно. Не важно, почему. Важно, что. А что: дезертир бежит. И Край догонит.

Нашёл быстро. Мальчишка бежал плохо. Не умел. Ломал кусты, топал, хрипел. Край слышал за сотню шагов. Не шаги, дыхание. Рваное, с всхлипом, с тем свистом, который бывает, когда лёгкие полные, а воздуха нет. Дыхание человека, который бежит не к. От. От того, что

позади. От того, что идёт. Край шёл тихо. Ногами на мох. Мох глушит. Край знал, где мох. Знал, где сухое. Знал, как идти бесшумно. Это не умение. Это привычка. Привычка с четырёх войн. С тех, где шумел умирал.

Мальчишка остановился. Не потому что увидел. Потому что не мог. Ноги не держали. Лёгкие горели. Он стоял, держась за ствол, и ствол качался, потому что и он качался, и дерево не могло удержать, и ничего не могло, потому что всё кончилось. Бежать кончилось. Силы кончились. Оставалось одно. Край. Который шёл.

Мальчишка обернулся.

Лицо мокрое. Не от пота, от слёз. Он плакал. Давно. Ещё до того, как побежал. Может, всю ночь. Может, все три ночи. С тех пор, как встал за Краем и пошёл, и понял, что идёт не домой. Не к жизни. К мясорубке. К Гнилым Землям. К месту, где мёртвых не хоронят, а переставляют. И заплакал. И побежал.

— Пожалуйста, — сказал он. — Пожалуйста. Я не... Я не могу... Я не солдат. Я... Я был... Я никто. Я никто. Я не хочу там. Я не хочу так. Пожалуйста.

Край подошёл. Три шага. Два. Один. Мальчишка прижался к дереву. Спина в кору. Глазами в Краю. Не отвёл. Впервые за весь путь кто-то смотрел Краю в глаза. Не потому что смелый. Потому что некуда. Отступать некуда. Дерево позади. Край впереди. И всё. Между ними шаг. И в этом шаге всё: страх, мольба, понимание, и последняя, глухая, слепая надежда, что может не убьёт. Может пройдёт. Может не заметит.

Край не заметил. Не мог. Не умел. Замечает тот, кто смотрит назад. Край не смотрел.

Он взял мальчишку за ногу. Левую. Ниже колена. Одной рукой за голень. Просто взял. Как берут мешок. Как берут полено. Без злости. Без мысли. Без паузы. Взял и рванул.

Хруст.

Чистый. Короткий. Как треск сухой ветки. Не крик, хруст. Крик потом. Потом, когда тело понимает раньше головы, что всё. Что нога больше не нога. Что держать нечем. Что стоять нельзя. Что бежать нельзя. Что всё. Что нельзя.

Мальчишка закричал. Не голосом, всем телом. Крик шёл отовсюду: из горла, из глаз, из рук, которые били Краю по груди мелко, слабо, как бьют крылья подстреленной птицы. Не больно. Не страшно. Жалко. Так жалко, что Край не моргнул. Не отступил. Не остановился.

Вторая нога. Правая. Мальчишка увидел, и крик сменился. Не звуком, смыслом. Не болью, ужасом. Ужасом того, кто понял: это не наказание. Это метод. Не злость, функция. Край не ломает, потому что хочет. Край ломает, потому что надо. Надо, чтобы знали. Чтобы остальные. Чтобы тридцать девять, которые спали у костра, проснулись, увидели, что одного нет, и поняли. Поняли что.

Второй хруст тише. Край не торопился. Торопятся те, кто злится. Край не злился. Он работал. Спокойно. Точно. Без лишнего. Сломать. Оставить. Идти.

Мальчишка упал. Ноги, обе, под неестественными углами, которых не бывает у живых, только у кукол, у сломанных кукол, у тех, которых бросили. Лежал и выл. Тихо. Громко. Тихо. Как воют не от боли. От невозможности. От того, что было: ноги, ходьба, бег, жизнь. И стало: кости под кожей, которые держат ничего.

Крови почти не было. Край знал, как ломать. Не чтобы больнее. Чтобы дольше. Чтобы кость осталась внутри. Чтобы не гнил. Чтобы жил. Потому что Край не хотел мёртвого. Край хотел живого. Живого на обочине. Живого с двумя сломанными ногами. Живого, который будет лежать, и ждать, и помнить.

Край снял куртку. Грубую. Тюремную. Ткань, которая не стоила ничего. Бросил на мальчишку. Не от жалости. Чтобы не замёрз. Ночью холодно. С двумя сломанными ногами костёр не развести. Патруль пройдёт к вечеру. Найдёт. Отнесёт. Кости срастутся. Ноги будут болеть. Вся жизнь будут. Но будут. И он будет. Живой. Хромой. И помнящий.

Край наклонился. Близко. Так близко, что мальчишка увидел в глазах Края себя. Маленького. Дрожащего. Как на дне колодца лицо, которое смотрит снизу.

— Ты не умрёшь.

Пауза.

— Но ты не пойдёшь. Когда тебя найдут, скажешь: бежал. Край догнал. Не убил. Мог и не стал. Каждый, кто после захочет бежать, будет знать. Край догонит. Край не убьёт. И умрёшь ты не от меча. От голода. От холода. На обочине. В кустах. Один. Потому что дезертирам не помогают.

Пауза.

— Я не смотрю назад.

Край выпрямился. Развернулся. Пошёл. Не оглядываясь. Не оглядываясь никогда. Потому что назад нет. Назад мёртвые. Назад лица на щите. Назад то, что было, и не вернётся, и не изменится, и не забудется. Только вперёд. Только тропой. Только ногами, которые ступают на мох, и не слышно, и не видно, и ничего, кроме дальше.

Вой стих. Не сразу. Сначала громко. Потом тише. Потом всхлип. Потом тихо. Потом ничего. Только лес. Только птицы. Только ветер в кронах. И где-то, за полмили, на обочине тракта, мальчишка, который был никем, который хотел жить, и который будет жить. Хромой. Но живой.

Когда Край вернулся, отряд стоял.

Все. Тридцать девять. На ногах, у костра, который догорал. Проснулись от крика. Крик в лесу, на рассвете, не то, что можно проспять. Не тогда, когда ты приговорённый. Не тогда, когда впереди Гнилые Земли. Тогда каждый звук враг. Каждый шорох смерть. И встают. И стоят. И ждут.

Ждали Края. Край пришёл. Один. Не в крови. Не в поту. Спокоен. Так же, как ушёл. Так же, как всегда. Мальчишки нет. Мальчишка остался. В лесу. На обочине. С двумя ногами, которые больше не ноги. И с курткой, которая не грела. И с пониманием, которое грело ещё меньше.

Молчание.

Долго.

Коренастый, тот, с татуировкой полка на предплечье, с разбитым носом, с лицом, которое видело кулаки чаще, чем солнце, сказал. Не громко. Не с вызовом. Тихо. Как спрашивают не потому, что хотят знать. Потому что не спросить нельзя.

— Жив?

Край кивнул. Коротко.

— Ноги?

Край кивнул. Снова.

Кто-то из молодых, темноволосый, с лицом, на котором страх ещё не проступил, но уже проступал, как роса на стекле, сказал. Сдавленно. С тем хрипом, который бывает, когда горло сжато, и слова идут через силу, через боль, через невозможность молчать:

— Он же... умрёт. Один. Там. Без...

Край посмотрел. Темноволосый замолчал. Не от взгляда, от того, что во взгляде не было. Ничего. Пустота. Не злая, не добрая, не равнодушная. Пустая. Как окна дома, в котором никто. Как колодец, в котором нет воды. Как небо, в котором нет солнца. Пустота, которую нельзя заполнить. Нельзя оправдать. Нельзя объяснить. Можно только принять. Или не смотреть. Темноволосый не стал смотреть. Опустил глаза. В землю. Как все. Как всегда.

Край сел. Достал сухарь. Первый за три дня. Надкусил. Жевал медленно. Без удовольствия. Как жуют лекарство. Как жуют долг. Потом сказал. Не оборачиваясь. Не поднимая головы. Кому, костру, кому воздуху, кому им всем:

— Он пекарь.

Тишина.

— Пёк хлеб. Не солдат. Забрали. Он не должен был быть здесь.

Жевал. Сухарь хрустел. Костёр трещал. Тридцать девять молчали. Каждый думал. Каждый по-своему. Но каждый об одном: о том, что пекарь лежит в лесу, а они стоят. Что пекарь бежал, а они нет. Что пекарь сломлен, а они целы. И что разница не в смелости. Не в силе. Не в воле. Разница в том, что пекарь бежал, а они нет. Пока нет. А завтра? Послезавтра? Когда тропы кончатся, и начнутся Гнилые Земли, и запах ударит, и твари выйдут, и станет ясно, что

они не солдаты, не воины, не герои, а мясо, которое ведут на убой, и ведёт не человек, а то, что не умирает, и ему всё равно, и щит голоден, и лица смотрят, и ничего, ничего, ничего нельзя.

Край доел. Вытер руку о штаны. Встал.

— Идём.

Встали. Без слова. Без понукания. Без окрика. Встали как встают, когда альтернатива лежать. Когда выбор не между «идти» и «не идти», а между «идти за Краем» и «лежать с двумя сломанными ногами на обочине». Выбор не выбор. Выбор понятный. Выбор единственный. Третьего не дано.

Край закинул щит. Ремень натянулся. Лица блеснули. Утреннее солнце легло на металл, и на секунду, только на секунду, показалось, что одно из лиц, третье слева, верхний ряд, молодой, с раскосыми глазами и шрамом через губу, открыло глаза. Но свет. Только свет. Или не только. Край не смотрел. Край давно не смотрел на щит. Край носил. Как носят тяжесть. Как носят долг. Как носят то, что нельзя снять, нельзя бросить, нельзя отдать. Потому что чужое. Потому что мёртвое. Потому что его.

Двинулись. Край впереди. Щит за спиной. Ноги тяжело. Земля мокрая. Лес молчит. За спиной тридцать девять, гуськом, по тропе, которая через два дня выведет к Перешейку, а через четыре к Гнилым Землям. К месту, где мёртвых не хоронят. Переделывают. К мясорубке, для которой Край был топором, а они мясом.

Край не оглядывался.

Он не смотрел назад.

Глава 3: «Гнилые Земли»

Перешеек прошёл без потерь.

Это значит: никто не умер. Не сбежал. Не сошёл с ума. Хотя от последнего Край не был уверен. Он видел глаза, которые менялись за четыре дня в ущелье. Темноволосый перестал смотреть на деревья. Коренастый перестал щупать татуировку на предплечье, как щупают рану, которая ещё не зажила. Седой ветеран, который спал в первую ночь, перестал спать вовсе. Двое мальчишек, тех, что помнили, как не бояться, забыли. Это видно: плечи опускаются, шея втягивается, шаг становится короче. Человек, который не боится, шагает. Человек, который боится, семенит. К концу Перешейка все семенили.

Край не семенил. Край шёл.

Перешеек был узкий, как горло. Скалы по бокам, камень над головой, ветер, который не дул, а выл, потому что некуда было дуть, и он бился о стены, и возвращался, и бился снова. Четыре дня в этом горле. Четыре ночи в темноте, где костёр разводить бесполезно, потому что дым некуда уходить, и он стоит, как стена, и глаза горят, и дышать нечем, и мёртвые на щите орут, потому что им не нравится камень над головой. Мёртвые не любят замкнутых пространств. Мёртвые любят небо. Открытое, широкое, в которое можно смотреть, в которое можно уходить. В Перешейке неба не было. Был камень. И мёртвые орали.

Край не орал. Край молчал. Это была та разница между ним и мёртвыми, которая делала его живым. Пока делала.

На пятый день вышли.

Равнина открылась как дверь, которую сорвали с петель. Камень кончился, скалы отступили, и впереди лежало: ровное, серое, до горизонта. Не поле. Не степь. То, что было когда-то полем, а потом перестало. Земля здесь была другая. Не чёрная, не коричневая, не глинистая. Серая. Как пепел. Как то, что остаётся после костра, когда костёр давно погас, а дождь прошёл и смысл тепло, и осталась только зола, мокрая, холодная, без запаха. Трава была. Край помнил. Когда он ходил здесь раньше, трава стояла по пояс, густая, тяжёлая, с метёлками семян, которые били по рукам. Теперь травы не было. Была щетина. Редкая, жёсткая, серая, как волосы на подбородке старика, который перестал бриться, но не перестал умирать. И деревья. Вернее, то, что от них осталось. Стволы без веток. Вершины без листьев. Стоят, как столбы, как вехи, как знаки, которые кто-то поставил и забыл, что они значат.

Край остановился. Вдохнул. Воздух был неправильный. Не плохой, не затхлый, не отравленный. Неправильный. Как будто из него вынули что-то важное и положили что-то чужое. Край не мог объяснить. Он не умел объяснять. Он умел знать. Знал: здесь что-то случилось. Что-то, что изменило землю, воздух, траву, деревья. Что-то, что сделало живое мёртвым, но не убило. Оставило. Стоять. Сереть. Молчать.

Мёртвые на щите молчали. Впервые за четыре дня. В Перешейке они орал, здесь замолчали. Край знал, что это значит. Не тишина. Прислушивание. Мёртвые слушали. Так же, как он. Так же, как то, что было в воздухе. Что-то было здесь. Что-то, что мёртвые чувствовали раньше живых, потому что мёртвые были ближе к тому, чему принадлежали.

Край положил руку на щит. Не гладил. Держал. Как держат повод, когда лошадь чует волка и хочет рвануть. Не для того, чтобы успокоить. Для того, чтобы не дать уйти. Мёртвые хотели уйти. Край чувствовал: щит под ладонью дрожал. Не от веса. От голода. Мёртвые чуяли, и мёртвые хотели есть.

Край опустил руку. Посмотрел на отряд. Тридцать девять. Серые лица, серые глаза, серая земля вокруг. Они стояли на краю равнины и смотрели, и на каждом лице было одно: понимание. Не разумом, телом. Телом, которое знает, что место неправильное, что земля не та, воздух не тот, и здесь надо стоять, а не идти, и надо бежать, а не стоять. Но бежать некуда. Позади Перешеек. Вперёд Гнилые Земли. А позади Перешейка столица, и кандалы, и петля. Они выбрали. Они уже выбрали, когда встали за Краем. Выбор был тогда. Сейчас выбора нет. Есть тропа. Серая. В никуда.

Край пошёл. Отряд пошёл. Впервые никто не семенил. Впервые все шагали. Не потому что перестали бояться. Потому что бояться стали сильнее, и страх сменил семен на шаг, как меняет голос человек, который кричит, а потом замолкает, и молчание громче крика.

Деревня была через день пути.

Или то, что было деревней.

Край увидел первым дым. Не дым. Дым бывает от огня, от угля, от дров. Это было другое. Серое. Тяжёлое. Поднималось не вверх, а в сторону, как будто ветер не позволял, и дым стелился по земле, полз, как туман, как змея, как то, что не должно ползти. Запах ударил через сто шагов. Край остановился. Не от запаха. От того, что мёртвые на щите всколыхнулись. Все. Двадцать три. Сразу. Как стая, которая почуяла. Край не слышал слов. Он слышал звук, который не был звуком: вибрацию, давление, гул, который шёл от щита, как от струны, которую дёрнули и не отпустили.

Отряд тоже почуял. Запах был такой, что не почуять нельзя. Не гниль. Не падаль. Не труп. Запах был сложнее. Как если бы все запахи, которые должен издавать мёртвый человек, собрали вместе и сварили, и получилось то, чему нет названия, потому что живые не должны это нюхать, а мёртвые не нюхают. Сладковатый. Тяжёлый. Такой, что стоит в горле, как кость, и не вдыхается, и не выдыхается, и никуда не девается.

Темноволосый, тот, который спрашивал про пекаря, согнулся и блеванул. Не стыдно. Край не смотрел. Остальные не смотрели. Блевали ещё четверо. Край не считал. Ему было всё равно. Желудок не решает. Решают ноги. Ноги держат или не держат. У тех, кто блевал, ноги держали. Хорошо. Те, у кого ноги не держат, ему не нужны.

Деревня была впереди. Край шёл к ней. Не потому что хотел. Потому что должен. Мертвые на щите тянули. Не голосами. Тяжестью. Щит стал тяжелее, как будто кто-то налил в него свинца, и ремень впился в плечо, и Край чувствовал: они хотят туда. К деревне. К тому, что от неё осталось. К тому, что в ней.

Дома стояли.

Это было страшнее, чем если бы не стояли. Если бы деревню сожгли, разрушили, стёрли, было бы понятно. Огонь. Война. Налёт. Но дома стояли. Целые. С крышами. С дверями. С окнами, в которых не было стёкол, но были рамы. Как будто жители вышли на минуту и забыли вернуться. Или не забыли. Или не смогли.

Край вошёл в первый дом. Дверь была открыта. Не распахнута. Приоткрыта. На столе миска. В миске каша. Каша затвердела и позеленела. Муха сидела на краю. Не живая. Мёртвая. Край посмотрел на муху. Мёртвая муха на мёртвой каше в мёртвом доме. Всё правильно. Всё здесь было мёртвое, кроме стен, а стены тоже были не те. Край тронул стену. Холодная. Не как камень. Как лёд. Как мясо, которое заморозили, а потом разморозили, а потом заморозили снова, и оно перестало быть мясом, но ещё не стало чем-то другим.

Во втором доме то же. Стол, миска, кровать, одеяло. Одеяло на кровати, как будто кто-то лежал под ним и встал. Край поднял край. На простыне пятно. Не кровь. Серое. Как будто человек не умер, а вытек. Не тело, а содержимое. Край положил одеяло. Не потому что брезгует. Потому что увидел на полу след. Босая нога. Пятка и пальцы. След шёл от кровати к двери и обрывался. Не у двери. В середине комнаты. Как будто человек шёл и исчез. Не вышел. Исчез. Между шагом и шагом. Нога стояла, а потом не стояла, и ничего не осталось, кроме следа на пыльном полу.

Край вышел.

Отряд ждал на улице. Не входил. Не хотел. Стояли и смотрели на дома, и каждый думал о том, о чём думает человек, который видит дом, где всё есть, кроме людей. Где жизнь остановилась между вдохом и выдохом. Где обед на столе, кровать тёплая, дверь открыта, а людей нет. Не ушли. Не умерли. Нет.

Коренастый подошёл к Краю. Ближе, чем обычно. Не потому что осмелел. Потому что боялся больше, и страх толкал к единственному, что было сильнее страха: к Краю. К Краю, который не боялся. К Краю, который был хуже того, чего они боялись, но хотя бы был. А того, что в домах, не было.

— Что тут случилось? — спросил коренастый.

Край не ответил. Не потому что не знал. Потому что не хотел говорить. Говорить значит думать. Думать значит помнить. А помнить тут было нечего, кроме того, чего не должно быть.

— Край. Что тут случилось?

Край посмотрел на коренастого. Тот побледнел. Не от взгляда. От того, что увидел в глазах Края: не пустоту. Впервые не пустоту. Впервые что-то. Что-то, что Край не показывал. Что-то, что было похоже на... Край не знал, на что. Коренастый не знал тоже. Но увидел и отступил. Молча. Больше не спрашивал.

Первую тварь нашли за деревней.

Не нашли. Она нашла.

Край слышал. Не ушами. Щитом. Щит дёрнулся на спине, как собака, которая почуяла зверя и рвёт повод. Ремень скрипнул. Лица загудели. Край остановился, снял щит, перехватил. Рука в ремень, щит перед собой, лица к врагу. Он не знал, откуда. Он знал, что близко. Мёртвые знали. Мёртвые показывали. Не словами. Направлением. Щит тянулся влево, как стрелка компаса, как нос собаки, и Край поворачивался за щитом, и щит вёл.

За сараем. В тени. Между бочками, которые когда-то были полны воды, а теперь были пусты и покрылись белым налётом, как солью. Там.

Тварь.

Край увидел и не моргнул.

Она была ростом с ребёнка. Потому что была ребёнком. Была. Раньше. Когда-то. До того, как из неё сделали то, чем она стала. Головы не было. Не отрублена, не отрезана. Отсутствовала, как отсутствует часть, которую забрали и на место которой поставили другое. На месте головы было гладкое, натянутое кожей, как язва, как рана, которая зажила и оставила только плоскость. Без глаз. Без рта. Без носа. Без ушей. Лица не было. Был живот. И на животе был рот. Большой. От бока до бока. С зубами, которых не должно быть у ребёнка: острые, частые, как у рыбы, как у того, что живёт в воде и ест то, что падает сверху. Рот был открыт. Рот дышал. Рот голодал. Край видел: рёбра твари ходили под кожей, как пальцы под перчаткой, и кожа была серая, и вена была серая, и всё было серое, как земля, как небо, как то, во что превратили ребёнка.

Край стоял и смотрел. Не от жалости. Не от ужаса. От узнавания. Он узнавал. Не лицо, лица не было. Руки. Маленькие, пухлые, с короткими пальцами, которые когда-то держали ложку, или игрушку, или материнскую руку. Руки были детские. Руки были ребёнка. Руки были единственное, что осталось от ребёнка в том, во что его превратили.

Тварь повернулась к нему. Без головы, без глаз, она знала, где он. Чувствовала. Так же, как щит чувствовал её. Они были из одного корня. Мёртвые в щите и мёртвый в твари. Край понял: то, что сделали с ребёнком, и то, что сделал он со щитом, было одно и то же. Не одинаковое. Одно. Две стороны одного действия. Он держал мёртвых в металле. Кто-то держал мёртвых в плоти. Разница была в материале. Суть была одна: не отпускать.

Щит взвыл.

Не Край. Щит. Двадцать три голоса, двадцать три рта, двадцать три лица на чёрном металле открыли рты и закричали. Край слышал. Отряд слышал. Тварь слышала. Все слышали. Звук шёл не из воздуха. Звук шёл из металла, из лиц, из мёртвых, из того, что Край носил на спине и не мог снять. Звук был голод. Чистый, без примесей, без слов, без смысла. Голод. Мёртвые хотели есть. Тварь была едой. Мёртвые в щите были голоднее, чем тварь в плоти, потому что мёртвые в металле голодны всегда, а тварь в плоти голодна, пока не наестся. Мёртвые не наедались никогда.

Край ударил.

Без меча. Меч был на поясе. Край не достал. Не захотел. Щит хотел. Край бил щитом, и щит бил, и это было не одно и то же. Край направлял. Щит ел.

Удар. Край шагнул, занёс щит над головой, опустил. Тварь не уклонилась. Не могла. Тварь не знала, что такое уклонение. Тварь знала: идти, есть, убивать. Не уклоняться. Щит ударил в тело, в живот, в рот. Металл в плоть. Лица в зубы. И рот на животе твари открылся и принял щит, и вцепился, и Край почувствовал, как щит потянул, как что-то на другой стороне щита, внутри, в глубине, потянуло, и тварь дёрнулась, и тело её пошло, и Край налёг, и щит впились, и лица на металле открыли рты, и рты впились, и тварь затряслась, и стала сдуваться, как мех, из которого вышел воздух, и кожа её пошла складками, и кости обмякли, и серая плоть потекла, и щит глотал.

Глотал. Край чувствовал, как щит глотает. Не ушами. Рукой. Рука в ремне, ремень на щите, щит в твари, и по ремню, по руке, по костям шла дрожь, как при питании, как жёлоб, по которому катится камень, и Край стоял и держал, и щит ел, и тварь кончалась, и было тихо, только треск, только хруст, только влажный звук, который бывает, когда пьют густое.

Тварь опала. Осталась кожа, кости, серая жижa. Край поднял щит. На металле, на лице третьем слева, верхний ряд, молодой с раскосыми глазами, на губах была влага. Серая. Край не стёр. Не хотел. Не нужно. Мёртвые поели. Впервые за долгое время. Щит был тише. Лица были мягче. Голоса, которые орали, стихли, улеглись, как собаки, которых накормили. Край стоял над тем, что осталось от ребёнка, и щит был сыт, и от этого было не лучше, а хуже, потому что сытость мёртвых значила одно: они хотели ещё.

Отряд видел.

Все. Тридцать девять. Стояли за сараем, за бочками, за углом. Смотрели. Не могли не смотреть. Как смотрят на пожар, на убийство, на то, что нельзя не смотреть, хотя хочется. Как смотрят на то, что меняет человека, потому что после того, что увидел, не можешь быть тем, кем был. Не можешь. Не потому что не хочешь. Потому что то, что видел, становится частью тебя, и ты несёшь его, как Край несёт щит, и не можешь снять, и не можешь бросить, и не можешь забыть.

Коренастый стоял и держался за угол сарая. Пальцы белые, костяшки белые. Он был бледен. Не от твари. От щита. От того, что щит сделал с тварью. От того, как металлические лица открыли рты и выпили существо, которое было ребёнком. Коренастый служил. Он видел смерть. Он видел, как люди умирают: от меча, от стрелы, от огня. Он не видел, как мёртвые едят мёртвых. Он не видел, как щит жуёт. Он не знал, что щит может жевать. Он не знал, что мёртвые бывают голодные.

Седой ветеран стоял сзади. Он не побледнел. Он посерел. Как земля. Как небо. Как тварь, которую выпили. Его лицо стало лицом того, кто видел слишком много и теперь видит то, чего не должно быть, и не может закрыть глаза, потому что глаза не закрываются, когда видишь то, что видит он.

Темноволосый не блевал. Блевать было нечем. Он стоял на коленях, но не от слабости. От того, что ноги не держали. Руки на земле, голова вниз, и дрожь шла по спине крупными волнами, и он дрожал, и не мог остановиться, и не пытался, потому что дрожь была единственное, что он мог делать.

Остальные стояли. Молча. Кто-то прижимался к стене. Кто-то держал руку на рукояти, хотя меч не помог бы. Кто-то закрыл глаза. Зря. То, что он увидел, было внутри, и глаза не закрываются от того, что внутри.

Край вышел из-за сарая. Щит на руке. Лица спокойные. Сытые. Мокрые серой влагой, которая уже подсохла на металле и стала как патина, как налёт, как время. Край шёл к отряду, и отряд расступался. Не быстро, не суетливо. С тем тяжёлым, неизбежным движением, с которым расступались стражники во дворе дворца. Перед человеком. Перед явлением. Перед тем, что ест мёртвых щитом.

Коренастый открыл рот. Закрыл. Открыл. Сглотнул. Голос вышел не сразу. Вышел хриплый, тихий, как голос человека, который долго молчал и забыл, как звучат слова.

— Что это было?

Край посмотрел на него. Потом на щит. Потом на то, что осталось за сараем. Потом снова на коренастого.

— Завтрак для мёртвых.

Коренастый отшатнулся. Не от слов. От голоса. От того, как Край сказал: спокойно, ровно, без интонации. Как говорят о погоде. Как говорят о дороге. Как говорят о том, что для них нормально. Для Края это было нормально. Мёртвые едят. Край кормит. Щит голоден. Край даёт. Так было. Так есть. Так будет. Пока щит не разбит, пока лица на металле не отпущены, пока Край несёт, они будут голодны, и Край будет кормить, и кормить, и кормить.

Отряд молчал. Край не ждал, что они поймут. Не ждал, что примут. Не ждал ничего. Ждал, пока встанут и пойдут. Потому что идти надо. Потому что деревня была не одна. Потому что запах шёл с юга, и щит тянулся на юг, и мёртвые знали: там ещё. Там больше. Там то, ради чего их послали. То, что ждало.

То, что делало из детей тварей.

Край стоял на краю деревни и смотрел на юг. Равнина лежала перед ним, серая, ровная, мёртвая. Где-то там, за полем, за серой травой, за мёртвыми деревьями, был лагерь восставших. Была Вейла. Была магия, которая превращала мёртвых в живых, а живых в оружие. Было то, с чем Край пришёл воевать. Край не думал о войне. Край думал о щите. Щит был сыт. Щит был тих. Щит хотел ещё.

Край опустил щит на землю. Лицом вверх. Сел рядом. Лица смотрели в небо. Сытые. Спокойные. Как люди после еды, которые лежат и переваривают, и не хотят двигаться, и не хотят говорить, и не хотят ничего. Мёртвые переваривали мёртвого. Край сидел и слушал, как переваривают. Звук был тихий, влажный, как журчание воды в трубе. Край слушал. Это было лучше, чем крик. Это было лучше, чем тишина. Это было... Край не нашёл слова. Край не искал. Край сидел, и щит переваривал ребёнка, и мир был неправилен, и ничего с этим нельзя было сделать, и Край знал, и не делал, и сидел.

Отряд за спиной не подходил. Держали дистанцию. Край не считал, сколько. Он считал направление. Юг. Щит хотел на юг. Мёртвые хотели на юг. Край хотел туда же, куда щит. Не потому что щит хотел. Потому что там было то, что делало тварей. Твари были из мёртвых. Мёртвые были в щите. Твари и щит были из одного корня. Край должен был найти корень. И отрубить.

Меч был на поясе. Край потрогал рукоять. Холодная. Шершавая. Кожа на рукояти была чужая. Не его. Кто-то носил этот меч до него. Кто-то мёртвый. Край не знал, кто. Не хотел знать. Меч был инструментом. Как щит. Как руки. Как ноги. Как инструмент для того, чтобы делать то, что надо. Не то, что хочешь. То, что надо.

Край встал. Поднял щит. Щит лёг на руку, как птица на жердь. Лица смотрели на юг. Край повернулся на юг. За спиной тридцать девять молчали. Край не обернулся. Не обернулся, потому что не смотрит назад. Не обернулся, потому что знал: стоят. Идут. Пойдут. Не потому что он ведёт. Потому что альтернатива оставаться здесь, в деревне, где нет людей, где твари ползают за сараями, где щит ест детей. Альтернатива хуже. Выбор не выбор. Выбор единственный.

— Идём.

Сказал и пошёл. На юг. На запах. На то, что ждало. Мёртвые на щите молчали. Сытые. Тихие. Край знал: ненадолго. Скоро проголодаются. Скоро захотят. Край накормит. Край всегда кормит. Потому что несёт. Потому что не может не нести. Потому что щит его, и мёртвые его, и голод его, и проклятие его, и другого нет.

Отряд двинулся следом. Тридцать девять человек, которые знали теперь, что их командир не просто не умирает. Их командир кормит мёртвых щитом. И щит голоден. И впереди то, чем щит будет питаться. И они, если упадут, станут едой. Не для тварей. Для щита.

Край не оглядывался. Он не смотрел назад.

Он шёл на юг.

Глава 4: «Хозяин мятежа»

Лагерь нашли на второй день.

Или лагерь нашёл Край. Край не знал. Он шёл на юг, и щит вёл, и мёртвые были тихи, но не сытой тишиной, а тишиной ожидания. Как тишина в засаде. Как тишина перед боем. Мёртвые знали, что близко. Мёртвые ждали. Край шёл и не чувствовал ничего, кроме тяжести щита на руке и того, что щит стал тяжелее. Не от еды. От предвкушения. Мёртвые ждали не еды. Мёртвые ждали своего.

Равнина шла под ногами, серая, плоская, без ориентиров. Деревья стояли столбами, без листьев, без веток, без жизни. Край шёл и считал шаги. Не от скуки. От привычки. Шаги значили расстояние, расстояние значило время, время значило приближение. Край не знал, к чему. Щит знал. Край не спрашивал. Край не спрашивал никогда. Край шёл.

Запах усилился. Не резко, не ударом. Постепенно. Как туман. Как то, что подкрадывается и не замечаешь, пока не окажешься внутри. Край заметил, когда отряд заметил: тридцать девять за спиной зашевелились, заглядывали друг другу через плечо, принохивались, морщились. Запах был тот же, что в деревне, но гуще, тяжелее, ближе. Сладковатый, тёплый, неправильный. Край не подбирал слов. Край знал: пахнет тем, из чего делают тварей. Пахнет работой. Пахнет Вейлой.

Имя он узнал от Меррисова. Меррисов писарь, тот, который принёс щит, дал свиток с описанием провинции, мятежа, лидера. Край не читал. Край слушал, когда писарь читал ему, потому что Край не умел читать. Не потому что не мог научиться. Потому что не хотел. Чтение это лишнее. Чтение это для тех, кто думает. Край не думал. Край делал. Но он слушал, и запомнил: Вейла. Жрица. Бывшая полевая медсестра. Лидер мятежа. Цель.

Цель была впереди. Край шёл к ней.

Лагерь стоял в низине, у реки, которая перестала быть рекой.

Вода была. Но не текла. Стояла. Чёрная, густая, как масло, как то, что остаётся в котле после варки, когда всё съели, а жир остыл и застыл. Берега были чёрные. Не от грязи. От чего-то другого. Край посмотрел на берег и увидел: земля была покрыта коркой. Тёмной, блестящей, как смола. И корка была тёплая. Край тронул носком сапога. Тёплая. Земля была тёплая. В октябре, на севере, в серой равнине, земля должна быть холодной. Здесь была тёплая. Край не удивился. Он давно перестал удивляться. Он отмечал. Тёплая земля значит магия. Магия значит кровь. Кровь значит жертвы. Жертвы значит твари. Всё сходилось.

Лагерь был не лагерь. Не в том смысле, в каком бывают лагеря: палатки, костры, часовые. Это было жильё. Постоянное, устоявшееся, обжитое. Хижины из глины и костей. Костей.

Край присмотрелся. Стены хижин были построены не из дерева. Из костей. Длинных, крупных, поставленных вертикально, воткнутых в землю, связанных между собой сухожилиями, которые уже высохли и стали как верёвки. Черепа вместо угловых камней. Рёбра вместо стропил. Хижины стояли в ряд, аккуратные, ровные, как дома на улице. Как будто кто-то строил город из того, что осталось от людей.

Край остановился на краю низины. Отряд остановился за ним. Тридцать девять. Край не оборачивался, но слышал: дышат тяжело, часто, и кто-то тихо стонет, и кто-то ругается шёпотом, и кто-то молится. Молится. Край не молился. Край не знал, кому молиться. Мёртвые на щите не были богами. Мёртвые на щите были едоками. Им не молились. Им давали есть.

Лагерь был пуст. Не совсем. Край видел движение. Между хижинами, у реки, в тени костяных стен. Тени. Твари. Не одна. Десятки. Маленькие и большие, с ртами и без, из одного тела и из многих. Край считал. Семнадцать. Семнадцать тварей, и все были заняты. Не ели. Не нападали. Работали. Таскали что-то. Кости. Мясо. Серую массу, которую Край не хотел рассматривать. Таскали от реки к хижинам, от хижин к чему-то в центре лагеря, чему-то, что Край не видел из-за костяных стен. Что-то большое. Что-то, что дымилось. Не дымом. Паром. Серым, тяжёлым, как дыхание.

И люди. Край увидел людей. Живых. Между тварями, среди костяных хижин, у чёрной реки. Живые. Не много. Может, тридцать. Может, больше. В лохмотьях, грязные, тощие, с глазами, которые были не такие, как у нормальных людей. Не безумные. Не пустые. Другие. Спокойные. Слишком спокойные. Спокойные так, как бывают спокойны люди, которые знают, что умрут, и приняли, и не боятся, и работают, и ждут, и не хотят никуда идти. Край видел такие глаза. На войне. У тех, кто давно воевал и перестал бояться, потому что страх кончился, и осталась усталость, и усталость была больше страха.

Живые работали рядом с тварями. Не боялись. Таскали вместе. Копали. Строили. Край видел: женщина несла ведро с серой массой, и рядом шла тварь, ростом с собаку, без головы, с ртом на спине, и тварь не тронула женщину, и женщина не смотрела на тварь, и они шли рядом, как два работника, как два соседа, как два живых существа, которые заняты делом и не мешают друг другу.

Край смотрел. Отряд смотрел. Все смотрели на лагерь, где живые и мёртвые работали вместе, где хижины построены из костей, где река чёрная и земля тёплая, где твари не нападают, а таскают, и люди не боятся, а работают. На город, построенный из мёртвых и для мёртвых, в котором живые были не пленниками, а частью. Не жертвами, а строительным материалом. Край не знал. Край не мог знать, добровольно или нет. Край видел: работают. Вместе. Рядом. И не боятся.

Это было страшнее, чем твари.

Край не пошёл в лагерь в лоб. Не потому что боялся. Потому что щит сказал. Не словами. Тяжестью. Щит потяжелел и потянул влево, в обход, к краю низины, к холму, который стоял один, как зуб в пустой десне. Край пошёл за щитом. Отряд остался. Край не приказывал. Край не объяснял. Просто пошёл, и они поняли: ждать. Стоять. Не двигаться. Ждать, пока Край не вернётся. Или не вернётся. Третьего не дано.

Холм был невысокий. Каменистый, без травы, без деревьев. Сверху было видно весь лагерь. Край сел на камень. Положил щит рядом. Лицом вверх. Лица смотрели в небо и молчали. Край смотрел на лагерь.

Сверху было видно то, что скрывали костяные стены. В центре лагеря стояла яма. Большая. Край определил на глаз: двадцать шагов в поперечнике, три в глубину. В яме горел огонь. Не обычный. Не оранжевый, не жёлтый. Серый. Огонь был серым, и дым был серым, и свет от огня был серым, и всё вокруг ямы было серым, как будто огонь не освещал, а забирал цвет. Край смотрел и видел: огонь не давал света. Огонь давал тень. Тень, которая была темнее, чем ночь. Тень, которая шла от ямы, как вода от родника, и растекалась по лагерю, и твари стояли в тени, и люди стояли в тени, и тень была везде.

У ямы стояла женщина.

Край смотрел. Женщина была не молодая и не старая. Возраст, который бывает у людей, которые перестали считать годы, потому что годы не имеют значения, когда каждый день одинаковый. Худая. Не от голода, от чего-то другого. От того, что тело отдаёт, а не получает. Руки длинные, тонкие, с пальцами, которые были слишком подвижные, слишком быстрые, как пальцы тех, кто работает с мелочью: швеи, ювелиры, хирурги. Не руки медсестры. Руки жрицы.

Она стояла у ямы и делала. Край не сразу понял, что делала. Она держала в руках что-то. Маленькое. Край прищурился. Обрубок. Детский обрубок. Рука. Детская рука, от локтя до пальцев, без плеча, без тела. Края заросли серой кожей, как рана, которая зажила не так. Женщина держала обрубок над ямой, над серым огнём, и пальцы её двигались, быстро, точно, и губы двигались, и Край не слышал слов, но видел: говорила. Тихо. Много. Без пауз. Говорила и работала, и обрубок в её руках дрожал, и серая кожа на краях начала расползаться, и из-под кожи показалось что-то новое, что-то, чего не было: плоть. Красная. Живая. Растущая. Край смотрел, как из обрубка детской руки росла новая плоть, как из обрубка делали руку. Заново. С нуля.

Женщина опустила обрубок в яму. В серый огонь. Огонь принял. Рука погрузилась, и серое пламя обняло её, и Край видел, как пальцы на руке шевельнулись. Не от боли. От жизни. Рука была живая. Обрубок стал рукой. Мёртвое стало живым. Вейла достала руку из ямы и положила на край, рядом с другими. Край увидел: на краю ямы лежали руки, ноги, куски, обрубки. Десятки. Все шевелились. Все были живые. Все были сделаны.

Край понял.

Она собирала. Не тварей. Твари были побочными. Твари были отходами. Она собирала человека. По кускам. По обрубкам. Из того, что находила, из того, что приносили твари, из того, что оставалось от мёртвых. Она делала части. Руки, ноги, пальцы, куски плоти, которые шевелились и жили. Она делала их живыми. Серым огнём, словами, магией крови, тем, что знала, тем, чему научилась, тем, до чего дошла, когда перестала бояться. Она делала мёртвое живым. Не целиком. По частям. Но части были живые. Части двигались. Части были не мёртвые.

Она собирала сына.

Край не знал, откуда знал. Знал. Может, от щита. Может, от того, как она держала обрубок. Не как материал. Не как вещь. Как ребёнка. Бережно, близко к груди, пальцы мягкие, и губы мягкие, и говорила тихо, нежно, как говорят с тем, кто болен, кто спит, кто не может ответить, но слышит. Так держат и так говорят с тем, кого любят. С тем, кого потеряли. С тем, кого пытаются вернуть.

Край сидел на холме и смотрел, как женщина у ямы собирает сына из обрубков, и щит рядом молчал, и мёртвые молчали, и мир молчал, и было тихо, и Край не шёл вниз. Сидел. Смотрел. Ждал.

Ждал, потому что знал: она знает, что он здесь. Женщина у ямы подняла голову и посмотрела на холм. На Края. Без страха. Без удивления. Так смотрят на того, кого ждали. Кого знали, что придёт. Она знала. Она подняла руку, мокрую, серую от огня, и махнула. Не приветственно. Приглашающе. Иди сюда. Иди. Я жду.

Край встал. Поднял щит. Спустился с холма.

Вейла была ниже, чем Край ожидал. По пояс ему. Маленькая, сухая, с лицом, которое было лицо не злодейки, не ведьмы, не жрицы. Лицо матери. Уставшей, старой, помятой, но матери. Глаза были тёмные, глубокие, как колодцы, и в глубине было что-то, что горело. Не серым огнём. Другим. Тёплым. Край не хотел называть. Край не называл. Но видел.

Она стояла у ямы, и серый огонь горел за спиной, и твари стояли вокруг, и живые стояли вокруг, и все смотрели на Края, и никто не двигался, и Край шёл к Вейле, и щит на руке дрожал, и мёртвые молчали, и было тихо, и Край остановился в трёх шагах от неё, и они стояли друг напротив друга, и между ними была яма с серым огнём, и огонь шипел, и твари шипели, и мир шипел, и Край молчал.

Вейла не молчала.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала она. Голос был тихий, ровный, без страха. Голос человека, который давно перестал бояться чего-либо, кроме одного. Край услышал в голосе усталость. Не от работы. От лет. От того, что делала каждый день, каждый час, без перерыва, без отдыха, без результата, потому что обрубки были живые, но обрубки были обрубки, а сын был сын, и собрать сына из обрубков было нельзя, но она пыталась, и пыталась, и пыталась.

Край молчал.

— Ты Щитоносец, — сказала она. Не спросила. Сказала. — Я слышала о тебе. Все слышали. Человек, который не умирает. Человек с щитом, на котором лица. Человек, который несёт мёртвых.

Пауза. Она посмотрела на щит. Лица на металле смотрели на неё. Край видел: щит дёрнулся. Не от голода. От узнавания. Мёртвые в щите и мёртвые в яме были из одного корня. Мёртвые знали мёртвых. Мёртвые видели мёртвых. Щит и яма были братья.

Вейла посмотрела на лица и улыбнулась. Не злой улыбкой. Не доброй. Улыбкой узнавания. Как улыбаются, когда видят того, кто делает то же, что ты. Кто несёт то же. Кто проклят тем же.

— Ты ведь тоже не можешь отпустить своих мёртвых, — сказала она. — Мы одинаковы.

Край молчал. Долго. Секунды. Минуту. Серый огонь шипел. Твари стояли. Живые стояли. Мир стоял. Край молчал.

Потом Край ударил.

Не щитом. Не мечом. Рукой. Открытой ладонью, в грудь, быстро, коротко, без замаха. Вейла отлетела. Маленькая, лёгкая, как птица, ударом Края отброшенная на три шага, на землю, на серую пыль. Упала. Не закричала. Не застонала. Упала и лежала и смотрела на Края снизу, и в тёмных глазах не было страха, не было боли. Было понимание. Как у того, кто знал, что удар будет, и ждал, и не уклонился, потому что некуда, и незачем, и нечем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.